

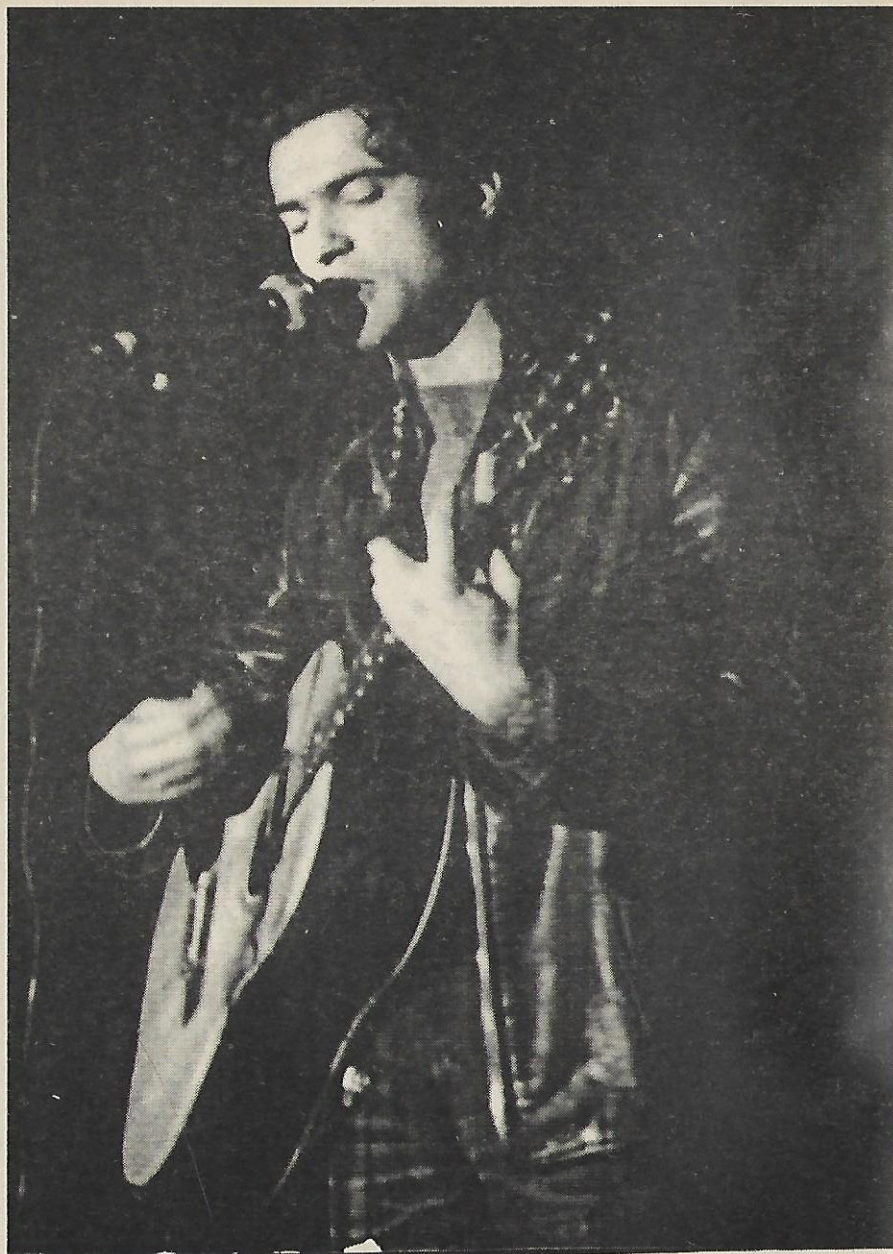

Горно Смарагд
De profundis

Борис Смоляк

De Profundis

Тибет
Харьков 1999

БЕЛЫЙ КИТ

Пролог

В начале зимы улицы немота
умрет от удара ботинка,
на входе в отель "Китовый фонтан"
под ногой поломается льдинка.

Оставив за дверью наземный мир,
обычай и законы,
стоял вошедший, и в этот миг
себя ощутил Ионой.

А море кусало свои берега
зубами барашков пенных
и выло, как будто небесный орган
играл посреди геенны,

в которой огонь заменили водой,
а после иссякли силы,
и рассвет натянул хомут золотой
на моря синие спины.

А человек отправился в порт
дружить с пенькой и доскою,
чтобы смешать свой соленый пот
со сладкой пеной морскою.

А эта смесь сильнее во сто крат,
чем ром, и остатки рассудка
пьянели, а утром откинуло трап
одно сумасшедшее судно.

Часть 1.

Сидящий в каюте и разговор с командой.

Корабль уходил от материка,
за милей глотая милую,
и братство хвоста и плавника
шло у него под килем.

Венчая все это, угрюмый, как тролль,
сторожащий свое богатство,
сидел капитан - одноногий король
своего безногого царства.

Там капитан сидел в темноте,
глядя в слепое оконце,
сжав кулаки так, что из-под ногтей,
казалось, выступит солнце.

и голос, знакомый до тошноты,
ждал от него ответа:
-Какое из царств выберешь ты?
Небесное или это?

Это!!! А голос остался врагом
и молча ушел в опалу,
а капитан, деревянной ногой
стуча, поднялся на палубу.

Как падший ангел, который свой нимб
сменил на величие ада,
стоял капитан, а перед ним
стояла его команда.

.....
-Люди! Вы ведь всегда правы,
и на каждом углу об этом трезвоните,
а что будете делать вы,
увидев кита на горизонте?

А из толпы до него долетал
шепот, тонкий, как женский волос:
-Когда мы видим кита,
мы подаем голос.

-Хорошо!!!

Капитан входил в азарт,
по телу текла блаженная сладость,
и в полуприкрытых его глазах
сверкнула на миг безумная радость.

Голос стучался в низкие лбы
и бился, как тело в агонии,
-Какую песню споете вы,
когда поплывете за ним в погоню?

А люди начали тоже смелеть,
и хор прокуренный и пропитый,
ответил: -тогда мы будем петь
"Разбитый вельбот или кит убитый"!

И радостью разорвало рот,
капитану вторило верное эхо,
и думал стоящий напротив сброд
о том, что дороже этого смеха

во всей Вселенной нет ничего,
а смех покатился по палубе гулкой,
и каждый тайком отрывал от него
кусочек, как от свежеспеченной булки.

.....
Сбежавший на волю безумный восторг
в бездонных карманах курток матросских
исчез, и смеха голый остов
замертво рухнул на мокрые доски.

Отбросив в стороны ненужный труп
живой ноги движеньем бешеным,
капитан продолжил игру,
в которой победителей вешают.

Он поднимал кожу над лицом
и показывал мозга страшные таинства,
как будто голова его была терновым венцом,
а он хотел от нее избавиться.

Он говори, что цель свята,
чтобы и юнга, и кормчий,
если увидят белого кита,
кричали в два раза громче.

Бескорыстных кормил словами он,
а для тех, что над золотом плачут,
шестнадцатидолларовый эквадорский дублон
гвоздем прибывал к грот-мачте.

Дрожал корабль под деревянную пятой,
разрывая пространство стенами,
и трюмы наполнялись бедой,
как водою через кингстоны.

Часть 2. Девочка-Смерть

Тяжким якорем вниз беда
тянула солнца спелую ягоду,
и стояла команда - как Адам,
прежде, чем откусить от яблока.

И откусили. И первый кусок
упал в голодную пропасть сущего,
где черным крылом бедственный сон
приподнял занавеску будущего.

Там ветер бил волну о причал,
игрался с мокрой парусиной,
а на столе горела свеча,
и скрипело бумагой перо гусиное.

Щуря глаза на неяркий свет, -
черный капюшон на спину отбросила -
за столом сидела Девочка-Смерть,
красивая, юная, светловолосая.

Из комнаты, где дым под потолком,
где окна завешены черными шторами,
чаша мира наполнялась тайком
ураганами и штормами.

Отсюда по Земле растекалась печаль,
уродуя веселые лица,
отсюда точился топор палача,
и направлялась рука убийцы.

Отсюда, когда ночная тьма
повесит на шею алмазы-созвездия,
две маленькие женщины входят в дома,
по имени Ненависть и Возмездие.

Они переступают через порог,
едва касаясь маленькой ножкою -
а на кухне молоко превращается в творог,
и в шкафах чернеют серебряные ложки.

Отсюда, видимо, по ночам
каждому на лоб горячий лепится
несмываемая, невидимая печать
с годом, числом и месяцем.

Царапало щеку локона острие,
и по бумаге буквы неровные
писали бледные руки ее,
худые, нервные, татуированные.

Аккуратно, медленно-медленно.
несколько раз, чтобы не ошибиться,
реестра камеры смертников
перелистывала страницы.

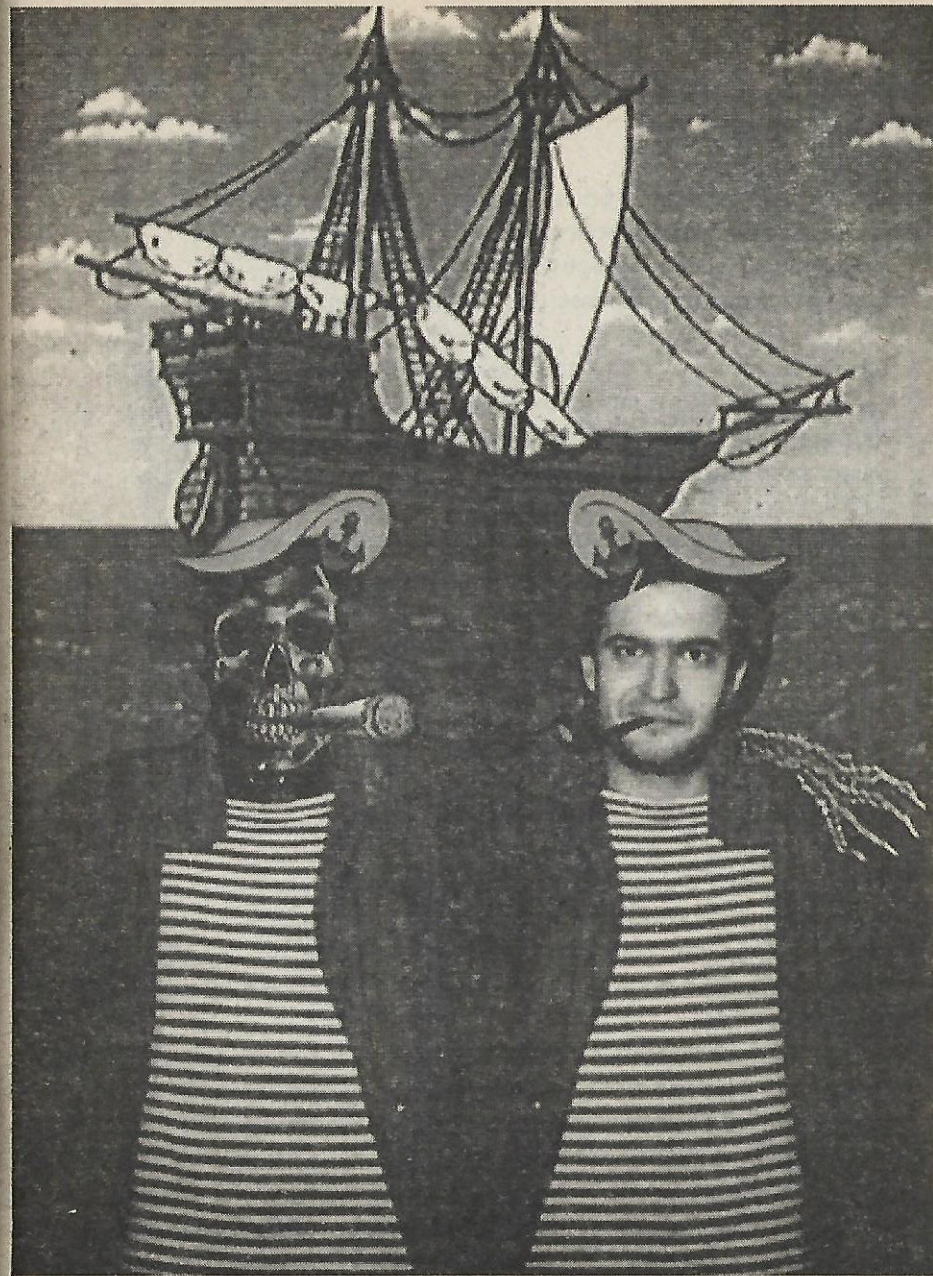
И в глазах, что под веками прячутся,
неуловимая и непослушная,
пробегала быстрая ящерица
сожаления и равнодушия.

И над городами далекими
протягивала руку свою обнаженную,
для кого - быструю и легкую,
для кого - долгую и тяжелую.

Иногда она пускалась в странствия
и, сидя перед очагами домашними,
рассказывала истории странные,
удивительные и страшные.

Взрослые сходили с ума,
а дети замирали в плену колыбельном,
когда в их притихших домах
раздавался звон цепей корабельных.

Они слушали в наступающей темноте -
в очаге дрова с огнем не поладили -
о капитане, о Белом Ките
и о мальчиках-мореплавателях.

Часть 3.
Мальчики-мореплаватели, Капитан и
Белый Кит

Вы, мальчики, морем бредящие,
мнящие себя хотя бы юнгами,
распятые в полосатом вретисце
между Северами и Югами.

Безучастные к труду и учению,
света четыре части нетленных
их разрывают, как кочевники
разрывали конями военнопленных.

В какое время - зимой или осенью,
с Востока или с Запада шествует,
в закрытые двери стучится, просится
дух божественного сумасшествия.

И по утрам города бездонные
покидают детские тени призрачные
с ослепшими глазами бессонными
от яркого света мечты несбыточной.

И их, ждущих славы и почестей,
с руками, еще помнящими кукол,
причастят солониной испорченной
и напоят водою тухлой.

И как исстрадаются их души нежные,
какие ждут их мучения адские,
когда паруса белоснежные
станут работоторговые и пиратские.

И мальчик один, который смелее
И злее прочих - стоящих рядами.
Найдет для себя новое племя
И пойдет сражаться с китами.

Не до первой крови, а до самой смерти,
Не до боли ушибленных переносиц, -
он выходил, как когда-то к змею
выходил Георгий-Победоносец.

А киты тоже правила знали,
и видно, так было угодно богу -
человек ударил кита сталью,
а кит откусил человеку ногу.

На войне бывает всякое дело,
но от той странности некуда деться,
что этот кит был снежно-белый,
как паруса из его детства.

И с этой минуты калека-мальчик
с той же страстью, с которой некогда
любил, теперь ненавидеть начал
белый цвет молока и снега.

Отныне он не находил себе места,
и будто муку чувствуя заново,
шарахался от платья невесты
и от погребального савана.

Его руки больше не знали мела
и никогда не марали бумагу,
но он не пил до горячки белой и
не поднимал белого флага.

Он вырос и даже стал капитаном,
но каждый раз, когда под утро
покрывалось море белым туманом,
он спускался к себе в каюту.

Однажды, когда он взял помазок,
зеркало, насмешливое и злое,
вдруг отразило его висок,
покрытый мертвенной белизною.

И бритва выпала из руки,
а капитану привиделось явно,
как будто в зеркале Белый Кит
смеялся над ногой деревянной.

И сидя после в таверне тесной,
катая по столу хлебный шарик,
решил капитан, что мало места
для них двоих на земном шаре.

И выйдя на воздух, чтобы не угореть,
он понял, что выхода нету:
когда Магомет не идет к горе -
гора сама идет к Магомету.

И, просыпаясь, калека кричал
и рвал простыню в темноте,
когда приходил к нему по ночам
всадник на Белом Ките.

В разгоряченное горло - глоток,
рукою - по волосам,
не знал капитан, что этот седок
не кто иной, как он сам.

Что в дебрях экваториальных вод,
вдалеке от родной земли,
обнимет старое горло его
крепкий пеньковый линь.

Что не вернется домой беглец,
скитавшийся столько лет,
а по волнам поплывет мертвец,
под мертвецом - Кит Блед.

Часть 4. Воздушный кораблик

Сколько людей и ныне и встарь
Даже о будущем зная заранее
Жизнь свою кладут на алтарь
Одного-единственного желания.

За пределы, за поручни, за края
Разорвав пополам пуповину экватора
Поплывет в небеса золотая ладья
Прочь из проекций Меркатора

Зачерпнет облака наклонившийся борт
За границами шкал Фаренгейта и Цельсия
И в небесной таможне выпишут сбор
И небесный егерь выдаст лицензию

И по бурному морю небесных вод
Преданный, брошенный, гордый, бесстрашный
Отправится в свой кругосветный поход
Одинокий кораблик бумажный

Команда побрита, трезва и чиста
На капитане - мундир парадный
По ночам приплывает молодая звезда
И трется о мокнувший борт тетрадный

Капитан, наверное, скажет звезде
О том, что спасенья нет
Что птица в небе и корабль на воде
Никогда не оставят след

Что он одинок, одноног и стар
И, видимо, обречен
И будет гладить его звезда
По щеке теплым лучом

Капитан заснул, капитан устал
И он не узнал, что к утру
Нечаянно, случайно, прожгла звезда
В борту корабля дыру

И из пустоты небесный десант
Принесет голубой поток
Потекут равнодушные небеса
Сквозь обожженный бок.

И оборвется некрепкий сон
В бездну холодных вод
И, падая огненной полосой,
Зачеркнет ночной небосвод.

И на всех верфях огромной земли
Опять застучат молотки
Когда море будет качать на мели
Бумажные лоскутки

С востока на запад - привычный курс
Солнце - красный мячик резиновый
Утром приходит горький вкус
От раскушенной косточки апельсиновой.

Эпилוג

Когда боги закончат игру,
и высохнут ложа морей,
ангелы выйдут на мокрый грунт,
построенные в каре.

С высот, до которых лететь сто лет,
от самых небесных врат,
не виданных братьями Монгольфье,
а также братьями Райт,

они спустились из дальних мест,
покинув небесный плен,
чтобы посыпать солью небес
горький земельный хлеб.

Среди бессмертных - низайший чин,
рядовые небесных армад.
отразят их суженные зрачки
ярко-алый закат.

Их ноги обнимет придонный ил,
мягкий, как пальцы дев,
и усмехнется покинутый мир
тщету их затей,

приказу, который был им дан,
уходящим в земную топь -
собрать разрушенные суда,
чтоб их построить вновь.

Ведь даже тому, кто обречен,
дается единственный раз
попытка все повторить еще,
самый последний шанс.

И смертник купит ценой дорогой
над пропастью тонкий трос,
бесстрашно ступая босой ногой
на подожженный мост.

В местах, где плавал когда-то Ной,
отряд траншею прорыл,
украсив пятнами грязи земной
чистоту ангельских крыл.

И в мертвых долинах бывших морей,
где лот не мерил глубин,
старую мачту найдут, а на ней -
дублон золотой прибит.

Как землю целует упавший плод,
а тонущий - брошенный крут,
замерзший металл обнимет тепло
нечеловеческих рук.

И вспомнится им через тьму веков,
смутно, как в полусне,
о человеке с одной ногой
и что-то о белизне.

Вечер накормит - акриды и мед
да небесная манна.
спрячут монету до лучших времен
на самое дно кармана.

А старший из них расскажет потом
о войнах и кораблях,
и как человек сражался с Китом,
на котором стоит Земля.

P.S.

Когда сыграют последний акт,
кто-нибудь выйдет в конце,
и будет хлопать ему толпа
со слезами на лице.

И кто-то к рампе опустит лик,
уставши и постарев,
и станет, как будто боксер на ринг,
на аплодисментный обстрел.

Когда на каменный лабиринт
народ поменяет зал,
он смоем кровь, снимет парик
и грим уберет с лица,

и пойдет по узкой улице вниз,
напевая тихонько под нос,
и Млечным Путем повиснет над ним
белый китовый хвост.

Последняя стрела

Ты рад, что не чувствуешь стали в спине,
Ты рад, что погиб другой.
Последний мятежник приставлен к стене,
И город их предан и гибнет в огне,
Зажженный неверной рукой.
И все, кто не спал, давно уже спит,
И дерево стало золой...
Но, выйдя из замка, ты будешь убит
Самой последней стрелой.

Твой жрец записал на белом листе
События этого дня.
Ты больше не ждешь неприятных вестей,
Ведь утром тобою распят на кресте
Их главный хранитель огня.
И женщинам их приказал любить
Твой воин усталый и злой...
Но, выйдя из замка, ты будешь убит
Самой последней стрелой.

Их знамя срубило слепое копьё.
Их дети забыли язык.
И весело стало в доме твоём,
И если кто-то еще не пьет,
То уже постигает азы.
А ты ходишь ночью, и дверь не скрипит,
И ты носишь кинжал подолой...
Но, выйдя из замка, ты будешь убит
Самой последней стрелой.

Она их видит в утреннем огне
И слышит их оборванные фразы,
И рыцари в серебряной броне,
И принц, сидящий на своем коне,
И на нее он не взглянул ни разу.

А ночью он желанием дрожа,
Когда на дне осталось только малость,
На ней одежды резал без ножа
И говорил, с собою положа,
Чтоб до утра она с ним оставалась.

А поутру боялся он упасть,
И на него смотреть всем было жалко.
Имея с детства сказочную власть,
Да что ему с того, что отдалась
Ему в ночи какая-то служанка.

Она слезу роняла на полы,
Хозяин пересчитывал монеты,
И кружками уставлены столы,
Из изгороди выдернув колы,
Во рву дерутся пьяные ландкнехты.

И все случилось будто просто так,
И ночью снова пляски до упада,
И всех зовет пьянящий полумрак...
Как часто в жизнь вторгается кабак,
Когда нам надо и когда не надо.

Она стоит и смотрит ему вслед,
Всем холодно, а ей - жара и душно,
И стан ее укутывает свет,
И пальцы держат несколько монет,
Что принц ей бросил так великодушно.

Каролина

Ее зовут Каролина, ее титул - инфанта
В жилах ее голубая кровь
Она не сеет зерно, она не косит пшеницу
Ее ремесло иное - любовь!

Она живет в старом замке, рвущемся к небу
Она считает дни по количеству жертв
Ее верные слуги - два черных дракона
Ждут ее на любом этаже.

И каждую полночь выходит из замка
Держа в руке магический ключ.
И каждый путник ей становится мужем
Пока не выглянет солнечный луч

И каждый, кого она выбирает
Станет к утру водою и глиной
И люди обходят стороной этот замок
Потому что в нем живет Каролина

Ее зовут Каролина, ее титул - инфанта
В жилах ее голубая кровь
Она не сеет зерно, она не косит пшеницу
Ее ремесло иное - любовь!

Город

За город, толстый и лысый
Слезам в пустые глазницы
Ушли собаки и крысы,
Ушли деревья и птицы.
Остались лужи и реки,
Остались камень и бронза
С руками, полными снега,
Глазами, полными солнца.

Когда все были моложе,
Ветер гулял по карманам.
Звенела мальчиков кожа
На боевых барабанах.
Насаживать душу на вертел
И перекраивать рай в ад
С руками, полными смерти,
Глазами, полными кайфа.

Ушли старики и младенцы
Вдаль по дорогам разбитым.
Течет из моего сердца
Река из крови со спиртом.
Залить весь город весною,
Повесится на карнизе
С руками, полными гноя,
Глазами, полными слизи.

И это - лучшее место
Для наблюдения мира -
Начищенное до блеска
Небо с запахом тмина,
Разбитое на кусочки
И склеенное слюною
На тоненьком волосочке
Висит за моей спиною.

Висит, и качает ножкой,
И дышит мне в левое ухо,
Скребется назойливой кошкой,
Жужжит, как навозная муха.
Я растаю, как сахар,
В стакане дневного света
С руками, полными праха,
Глазами, полными лета.

За город, толстый и лысый
Слезам в пустые глазницы
Ушли собаки и крысы,
Ушли деревья и птицы.
Остались лужи и реки,
Остались камень и бронза.
С руками, полными снега,
Глазами, полными солнца.

* * *

Я сегодня проснулся раненько,
Если хочешь чего, так на тебе.
У забора все двое пьяненьких
Все ругают кого-то матерно.
И плетется с пустыми ведрами,
Недовольно глазами лупая,
Похотливо виляя бедрами,
Толстозадая девка глупая.

Я сегодня со смертной мукою
Наблюдал за родными флагами,
Уходил шелудивой сукою,
Возвращался недобитым ангелом,
Уносил все в ладонях горести,
Приносил все в карманах радости,
Напивались, и все без корысти
Говорили мне разные гадости.

Что я не сеял пшеницу вкусную,
Да не боролся за власть советскую.
А все шатался дорожкой узкою
С непонятною речью детскою.
И у меня, никому не нужного,
Отобрали мечту заветную,
И закрыли да в темном нужнике,
Потушили лампаду светлую.

И на улице мощным рупором
Все вещают чего-то бдительно,
А толстозадая девка глупая
Улыбается обольстительно.
Что ж ты, братец, стоишь ломаешься,
Что же ты все душою мучишься?
Только зря она-то старается -
У меня ничего не получится.

Прощание

Эта ночь была ветром в огонь на стекле,
Черным демоном выла над этим жилищем.
Она дала ему утром воду и хлеб,
Что бы он не ушел в это странствие нищим.

Она стала сестрой этих древних богинь,
Статуэтки которых на россыпи полок...
Она легла бы песком под его сапоги,
Если б знала, что путь его будет так долог.

Черной краской на белой стене - это счет -
Это список проклятий на дне одиночеств.
Она накапала б воска и стала свечой,
Если б знала, что он не вернется до ночи.

И над каждой иконой - анафемы гнет,
И над каждой лампадой - знаменье угрозы...
Она взяла бы воска и стала свечой,
Если б знала, что он не вернется к морозам.

Эта ночь не поведаст ей ни о чем,
Амальгама ее не научит законам...
Она взяла бы железо и стала мечом,
Если б знала, что он будет драться с драконом.

Она видела окна, но ночь в них темна,
И она не заметила, хоть считалась и мудрой...
Она во все бы бокалы налила вина,
Если б знала, что встретит его этим утром.

Пришествие

Никто не видел, как ты шел из лесу,
И кровь текла по рукам и из носу.
Да кто узнает тебя и без креста,
Да кто признает в тебе Христа.
Да кто поможет хоть одеждой драною,
Да кто ссудит тебе рубль с полтиною,
Да кто напоит хоть водою из крана и
Не окликнет тебя скотиною.
Да кто залечит твои раны страшные,
Да кто омоет тебе голову,
Да кто поверит, что ты не бражничал.
Да кто поверит тебе голому.

И в церковь пустят на дальше паперти,-
Что сердцем чист, если с грязной кожей? -
И издаля поглядев на распятие,
Ты не найдешь ничего похожего.
И недослушав попа речистого,
Ты, озираясь, здесь ищешь знакомое.
Но не увидишь ты Мать Пречистую -
Лик опорочен лукавой иконою.
И пробираясь толпой базарною,
Не заболеешь чумой и оспою.
И только душа вся до крови в ссадинах.
Ох, ты не вовремя здесь, Господи!

И может ты даже лечишь от печени,
И может ты даже в чем-то полезный,
Да только тебя чуть не искалечили
Два молодца с кулаками железными.

И может ты даже накормишь страждущих,
И может ты даже поднимешь Лазаря...
Да только не надо мне капать на душу.
И сплюнув три раза, уйду от сглаза я.
А ты усмехнешься - лихая братня!
И скажешь горестно: «Ну, будь по вашему!»
И упадет грязно-белой скатертью
Путь по снегу свежеепавшему.

Иуда Искарriot

От моря к морю звездою грязной
И в божьем стаде - овцой паршивой
Живет Иуда, живет и дразнит
Кривым лицом да рубашкой вшивой.

От моря к морю - подонки редкий,
От моря к морю - убить охота.
И гадит на пол в железной клетке
Душа Иуды Искарriotа.

А он ложится ступенью у храма,
Прохладу утра не чувствуя кожей.
Дорогой пыльной идут бараны,
А вместе с ними - сам Агнец Божий.

Восходит солнце плевком кровавым.
Участок малый давно распахан
В Святой Земле, и течет отравы -
Иуды семя от уха к паху.

От неба к небу - стоять спиной,
А он не праведный и не кроткий.
Одно лишь имя сухой слюною
Глотать комками, копаясь в глотке.
А может, помнишь, как шли по полю,
И было лето светло и жарко.
Где распинают любовь любовью,
Идет по кругу Иуды шапка.

А может, знаешь, как при аресте
Он целованьем предаст кого-то.
Ты слышишь, плачет в отхожем месте
Душа Иуды Искарriotа.

Ты слышишь, гнется тростник под ветром,
Ты слышишь, дышит средь всякой мрази
Иуда бедный своей победой.
Живет Иуда, живет и дразнит.

Колдунья

Теперь твое небо - прутья решетки,
Теперь твой мир - это стены темницы,
С тебя сняли платье из шелка.
Тебя одели во власяницу.

С тебя сняли серьги и броши.
Тебя согнули в рабском поклоне,
И ты, привыкшая к мягкому ложу,
Спишь теперь на вонючей соломе.

К тебе придет пьяный священник,
В рясе грязной и обветшавшей,
Он хочет дать тебе отпущенье
Грехов, которых ты не совершала.

Он держит крест в своих грязных лапах
И дарит его губам холодным,
А сам украдкой пытается лапоть
Тебя сквозь одежду взглядом голодным.

Он говорит с тобою о блюде,
А ты засмеешься и скажешь: " Отче,
Тот, кого я любила, люди
Бросили в пламя прошедшей ночью. "

Он выйдет, и ты, как того хотела,
Спрячешься в сны, в которые веришь,
Гореть на костре - это плевое дело,
Когда все осталось за кованой дверью.

Тебя повезут мимо замков и башен,
И свежий ветер в волосы дунет,
И люди, увидев тебя, скажут:
" Это опять сжигают колдунью! "

И те, что кричат о милости божьей,
Боятся тебя, уже ставшую прахом,
За то, что ты на сестер не похожа,
За то, что жила и горела без страха

* * *

Как в голодный год загулял народ
Веселит нутро да по праздникам
Заходи в дома да держи карман
Да храни слова от проказников
А на той стене в белой простыне
Со свечой в окне - богородица
У нее - глаза, а в глазах - слеза
Никогда назад не воротится.

Колокольный звон да со всех сторон -
Разогнать ворон от распятия.
И на три версты - лишь одни кресты
И шагнуть в кусты от проклятия.
И ходить пустым по местам святым
Да сложить персты тонкой щепотью
И под чей-то бред на святой горе
Догорать в костре мелкой щепкою

Как со всех ворот собирался сброд
Раскрывает рот, ищет Каина
И огонь застыл, и горят листы
И стоят посты на окраинах.

На своем горбу все тащить торбу
И в широком лбу - мысль темная.
Как устроить бунт да поднять толпу
Да ввести судьбу в сени теплые.

А моя беда - где моя еда,
А моя вода киснет брагою.
Эх, нажать на стоп да нырнуть под стол
Со святым крестом да оврагами.
Вот и был таков, не пугай волков
А пой стрелков - очень тесно им.
Биты головы да под шум травы
Уходить живым эх, да с песнями.

Новый Год

Железо хорошо, пока его куют.
А в этом доме сегодня дают
Остатки мяса от старых костей,
А я буду здесь развлекать гостей.

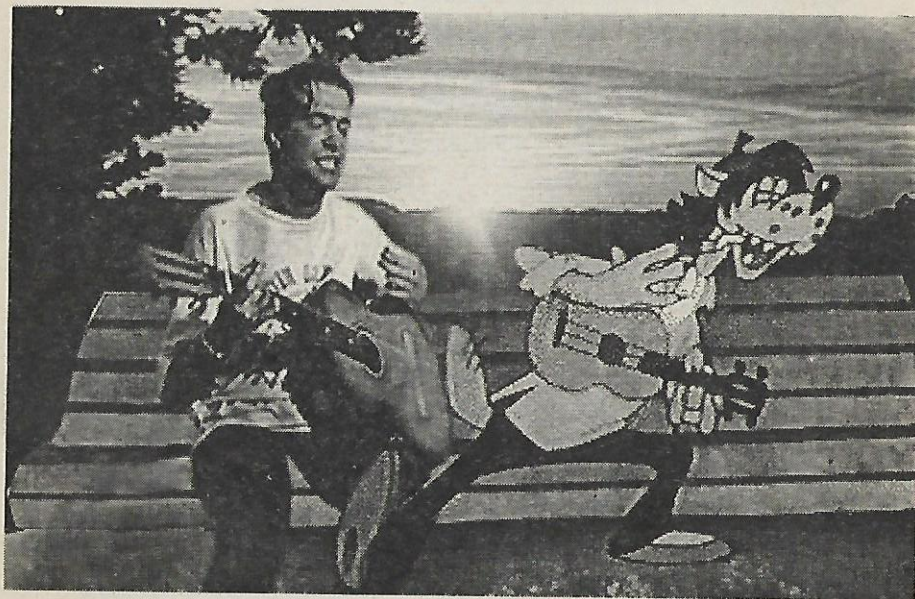
Пьяная рожа просит кирпич.
Весело смотрит с портрета Ильич.
Его развернули лицом к стене,
Потом собрались, налили и мне.

А я сказал: «У меня устав,
И я не могу уходить с поста.»
Пришел молодой генерал с кобурой,
Посмотрел на меня и сказал - я герой.

Ушли из Афгана наши войска.
В Союзе расстреляли последнего куска.
Стали гуманистами все злые деды,
И бедные духи не получают ... по ушам.

Я сказал: «Генерал, твоя правда свята,
Но я уже давно не там,
И мне все равно, где твоя звезда...»
А он рассмеялся и снял с поста.

Я понюхал пробку, и оно «дало»,
Совсем немного, но стало тепло.
Я взял гитару, посмотрел на бардак,
Взглянул на дам и спел им так:

«Милая моя, не пей денатурат -
Твой ребенок будет дегенерат.
Милая моя, не пей самогон -
Твой ребенок будет не снимать погон.
Милая моя, не пей вино -
Твой ребенок будет любить кино.
Милая моя, не пей коньяк -
Твой ребенок будет, как я - маньяк.»

Все засмеялись и сказали - изврат.
А я был этому очень рад.
Я важно огляделся и важно изрек:
«Вот такой я, ежик, странный зверек»

А потом бородатый лег на постель,
И начальник дисбата готовил коктейль.
Человек с ушами и сын Петра
Наверное будут сидеть до утра.

Я очень устал, я лег на диван,
И я никому не сказал: «Давай!»
Я не хотел больше лезть на рожон -
Я видел свой сон о чем-то большом.

Меня разбудили пинком под зад.
Я испугался, открыл глаза.
Десять часов и день номер один -
Наверное было пора уходить.

Я собрал манатки, накрыл их блюдцем,
Пожелал всем приятных поллюций,
И они пожелали мне приятных сцен,
А я рассмеялся и сказал: «Ушписен!»

Сигаретка

В голове растут дома,
И стоят горбатые.
От большого от ума
Все ходить с лопатой.
Нет, ребята, я не пьян,
То не дурь проклятая,
Сигаретка ты моя,
Моя неразмятая.

С сердца прочь, из глаза вон,
Стужа липкой похотью.
Высморкался мой завод
В небо грязной копотью.
То, ребята, не змея -
Кровь течет из трещины.
Сigaretка ты моя,
Моя отсыревшая..

То, ребята, не зима -
Мокрая метелица.
Там, ребята, не тюрьма -
Сушная безделица.
Там, ребята, полынья,
В ней вода тяжелая,
Сigaretка ты моя,
Моя обнаженная.

Закрывали образа
Белокурой бестией,
Мне б насрать в ее глаза,
Шиты мелким крестиком,
Не ходи за мной, свинья,
Свинья прокаженная,
Сigaretка ты моя,
Моя зараженная.

Вижу, сытые жлобы
С ликами умильными,
Вижу новые гробы -
Векселя фамильные.
Вижу - белая скамья
На ней - тело черное.
Сigaretка ты моя,
Моя обреченная.

Снятся в небе облака
И луга весенние,
И молочная река -
Берега кисельные.
Выйду - нету ни хуя -
Только срань господняя.
Сigaretка ты моя,
Моя преисподняя.

Люди весело жуют,
Щеки стали красненьки,
Рвань надена черную,
Обосру вам праздники -
И течет моя струя
В платье подвенечное.
Сigaretка ты моя,
Моя бесконечная.

Про Солдата

Дембель стал на день короче.
Масло съели - день прошел.
Всем дедам - спокойной ночи.
Старшина домой ушел.

Пусть вам снится дом у речки.
Море водки, пива таз,
Баба голая на печке,
Дядьки Язова приказ.

Пусть приснится лес вам зимний
Сквозь метели и пургу,
А в лесу растет осина,
И веревка на суку.

На суку висит веревка,
На конце ее - петля,
А в петле - солдатик Вовка.
У него х / б с нуля.

У него ремень на яйцах,
Сапоги его в говне.
Он не вышел прогуляться -
Он служил родной стране.

Он не видит и не слышит,
А вокруг него - снега.
Пусть ему невеста пишет -
Не дождется ни фига.

У него небриты щеки
И подбитый левый глаз,
А в руке зубная щетка,
Ей он чистил унитаз.

Не напиться, не умыться,
Не за ухом почесать -
Он теперь самоубийца,
И ему всё поебать.

Он висит во тьме холодной,
Охраняя тишину,
А под ним всё волк голодный
Злобно воет на луну.

И его качает ветер
На четыре стороны.
Он теперь на белом свете
Не насрет себе в штаны.

Пусть вам снится с поллитровкой,
Как в ночи под Рождество
Молодой солдатик Вовка
Бьется жопой об ствол.

Так совсем без автомата
И находит свой конец
Молодой солдат стройбата,
Красной армии боец.

Емеля

Вешали Бога на грешную стену.
Эта дорога по выжженным степям.
Кони не кормлены долгие годы.
В реках исхожены топкие броды.

Праздник - хмельное в бочонках да кубках,
Встать со скамьи, покреститься на угол,
Сядь, дурачина, ой, не падай, Емеля -
Чужой это пир, и чужое похмелье.

Гуляет дружина под княжеским оком,
Дым коромыслом выходит из окон,
Лечь протрезвиться б, да силушки нету,
Руки и ноги попали в тенета.

Мешает князь зелье с какою-то дрянью,
Дает Емеле поломанный пряник.
Сулит Емеле златые груди,
Ну а глаза-то как у Иуды.

Мерили плеткой дикое поле,
Княжеской водкой выпита воля
Гнули подковы стальными руками,
Ну а теперь не поднять даже камень.

Емеля за меч, да его нет у ограды,
Коня вороного свели конокрады,
Лишь крестик нательный душу колет,
Ну что, Емеля, остался голым!

Емеля встал из кабацкой голи:
-Пойду-ка в лес, поищу там доли.
Идет, про ворота забывши напрочь,
А князь смеется: - Ой, куда ж ты на ночь?

«Да ты, Емеля краснее меди,
Тебя, Емеля сожрут медведи,
Тебя укроет дурной травой,
Сиди, Емеля, ой, ты не воин.»

Тяжелым комом да в горле обида,
Емеля встал, но не подал вида
И буйной ночью, да в самую темень,
Пустил петуха да на княжеский терем.

-Бросайте, други, злаченные кубки!
-Шутишь, княже, нас этим не купишь!
-Вставайте, братья, со столов богатых -
Тут хорошо, да только много гадов.

Тут хорошо, да только ловят в сети,
Одеты в шелк и слабы, как дети.
И перекрестивши верхушки елей,
В дикое поле ушел Емеля.

Вешали Бога на грешную стену,
Эта дорога по выжженным степям,
Кони не кормлены долгие годы,
В реках исхожены топкие броды.

Карусель

Крутится - вертится карусель, детская песенка
Мальчик кормил деревянных гусей едой из песка.
Выше и выше - прочь от земли, до самых небес
Чтобы люди к ним не пришли, волки подожгли лес.

Белая птица вниз по реке за черным птенцом
Слюна играла на языке с моим леденцом.
А леденец - он ни с кем не дружил, он сам мне сказал
Что он всегда исправно служил тому, кто его лизал.

Девочка, девочка, пришли мне веточку с края земли
Самую первую, самую нервную - или умри.
Самую тонкую, самую звонкую, спрячу ее
Где недотрогою бьется сердце мое.

Ивашка

(посвящение Егору Летову)

Солнце горело у меня в глазах,
Заблудилось небо у меня в волосах,
Дождь захлебнулся в холодной воде,
Удавилась муха у меня в бороде.
Ползут букашки, ползут по стене.
Идет Ивашка к тебе и ко мне.
Ползет букашка - сейчас упадет.
Идет Ивашка - не скоро придет.

Несет он к котомке непромытый песок,
Сырые опилки, гнилой поясок.
Прошлогодние листья, земля и труха.
Мышиные кости, потроха петуха.
Ползут букашки по закрытым глазам,
Идет Ивашка по дремучим лесам.
Ползут букашки по рукам и ногам.
Идет Ивашка по широким лугам.

В землю на полметра уходит ступня.
Ивашка сел посидеть у пня,
Съел пирожок, поплевал на ладонь,
Запил слезу дождевою водой.
Ползут букашки по битым бокам.
Идет Ивашка по глубоким снегам.
Ползут букашки по голове.
Идет Ивашка по мокрой траве.

Вот он подходит и видит свой двор,
Где поломан забор, и дверь на запор.
И только старуха махнула клюкой,
Завыла собака за упокой.
Ползут букашки по белой стене.
Душа у Ивашки прилипла к спине.
Ползут букашки по камышам.
Душа у Ивашки застряла в ушах.

Иван пошел погулять во рву.
Нарвал там траву, траву-мураву.
Сел, закурил, потянулся дымок,
А душа оборвалась и упала у ног.
Ползут букашки из-под земли.
Ивашка сел, разбросал костыли.
Ползут букашки из темноты.
Ивашка встал и срывает бинты.

Под утро три раза заплакал петух.
Костер испугался, костер потух.
Зола полетела над холодной водой.
А Ивашка сидел такой молодой.
Пролетела птишка, пробежала лиса.
Идет Ивашка по небесам.
Упала рубашка, пробежал таракан.
Идет Ивашка по облакам.

Ползут букашки, ползут по стене.
Идет Ивашка к тебе и ко мне.
Ползет букашка - сейчас упадет.
Идет Ивашка - не скоро придет.

* * *

Она шлет войска на запад за золотом
И на восток - за амброй и мускусом,
У нее все руки исколоты,
У нее все губы искусаны.

Она сидит на троне в окружении факелов
В белом одеянии праведницы,
Над ее головой серебряным ангелом
Рассвет празднует наступление пятницы.

Она посылает своих апостолов
Молиться за наступление вечера,
И катится копейкою по столу
Солнце ее с лучами иссеченными.

Но никто не появится во поле,
Пока платье ее не износится.
И дорога к Константинополю
У нее между волосом и переносицей.

Она раздает на улицах милостыню,
И рады приходу ее обреченные,
Она всегда разрешает милостиво
Целовать одежды свои золоченые.

Так отчего же, милая, тебе печалится,
Если все города разведаны?
Командиры сильны и отчаянны,
И солдаты смелы и преданны.

И темница твоя не тесная ,
И рубашка твоя не с заплатами,
Только ходит по всем окрестностям
Твое солнце - глаза заплаканы.

Только ходит твое красно солнышко
По веревочке твоего лица,
И затащит петлею горлышко -
Не покаяться, не подвинуться.

Только в горнице твоей холодно,
И соринь ты рваными бусами.
Только руки твои исколоты,
Только губы твои искусаны.

Яблочко

Эх, яблочко да червячок грызет
Эх, девочка да пяточок несет -
Губы тонкие да ноги босые,
Руки мокрые да зубы острые

Пяточок в руке на волю просится
Птица в молоке не утопится
С неба брошена рука кандальная
В осторожные глаза хрустальные
В беспокойные глаза незрячие
В непокорные глаза собачие
Полетит зрачок да черной точкою
Плачет пяточок одиночкою

Эх, яблочко мое надкушено
Эх, девочка зло разбужено
Рано-затемно да черным облаком
На глаза тебе - битый колокол

Под прямым углом да в снег мелованный
Умирать облом не целованной
Эх, мороз-матрос да в бескозырочке
Подари засос дезертирочке
Дезертирочке да изменнице
Переводчице да перебежнице
Переpletчицей да в мою летопись
Перелетчице через ненависть

Эх, яблочко, давай рассказывай
Эх, девочка, снимай, показывай
Пятачок в руке да не сгибается.
Стоит девочка, улыбается.
Не ругается да не печалится
Моя песенка не кончается

Эх, яблочко, да несъедобное
Эх, девочка неудобная
Стоит белая да как снегурочка
Не берет ее пуля дурочка
Не берет ее штык заточенный
Посеребряный да позолоченный

А как развиднелось, так смотрят грешные
А то не девочка, а баба снежная

Эх, яблочко да прикарманила
Эх, девочка одурманила.
Отуманила и как мальчика
Обвела меня да вокруг пальчика

Как смешно стоять ей на улице
Чтоб не шуриться да не сутулиться
Не беречь глаза да от прохожего
На нее совсем не похожего

Эх, яблочко, живи не жалуйся
Эх, девочка, иди не балуйся
Губы тонкие да ноги босые
Руки мокрые да зубы острые.

Красная девица

(посвящение Янке Дягилевой)

Красная девица сидит в своей темнице
С руками ветерками, с глазами сквозняками
Коса на двор.
Туда, где ветер моет день за твоей тюрьмою
Туда, где птичий трепет, туда, где детский лепет
Через забор.

Эх, как бы стать ей пташкой и белою рубашкой
И чистою пеленкой на мокрую клеенку
Упасть в траву.
Эх, как бы стать ей кошкой в железное окошко
Где вода пятки лижет и полевые мыши
Шуршат во рву.

А вот всего печальней - несет начальник чайник
С руками-пауками, словами матюками
Из всех ворот.
Привет, моя красотка, прибить гвоздем бы, "соткой"
Твой рот, чтоб не смердела,
Твой глаз, чтоб не глядела
В честной народ.

Мое простое дело - чтоб ты всегда сидела
Чтоб ты чего не съела, чтоб ты чего не спела
Кругом ходить.
Не за твоей звездой, а за твоей пиздой
Не за твоею мукой, а за тобою, сука,
Дано следить

Вплетай гнилой поземкой язык в ремень казенный
Иди к себе на ужин, сегодня в мою душу
Тебе не срать.
Проклята, но не в храме, распята, но не вами,
Иди к себе, паскуда, чтоб не видал, как буду
Я умирать.

Всю ночь плела девица веревку - удавиться
Вплетала белу нитку, вплетала черну пытку
Вплетала нежный голос, вплетала тонкий волос
И вот сплела.
Повесила на гвоздик себребряный свой мостик
И прыгнула со стула, веревку натянула
А та не облажала, не много подождала
И умерла.

Нашли ее под утро и рассудили мудро
Когда снялась петелька, что бы исход смертельный
Сама сплыла.
С заботой о теле, омыли и одели
Поставив тонку свечку и - головою в печку
И все дела.

Да только вместе с дымом душа неопалима
Взлетела белой птицей, поднялась над темницей
И поплыла.
И засмеялась пташка, и облизнулась кошка
И засмеялся голос, и только тонкий волос
Сгорел дотла

* * *

Полюбила парня девчонка
Как вода дружила с карбидом
Как любила пилку решетка
Как дружил огонь с динамитом

Как дружил со свиньями бисер
Как любила среду суббота
Не сбежит корабельная крыса
С падающего самолета

В час, когда закончится вечность,
Наполняя гнезда кукушек,
Будут дочери человечьи
Не людей рожать, а лягушек

Где землей набиты карманы,
Вырастут колосья пшеницы.
Мы ложимся спать с барабаном -
Значит, ничего не приснится

На заводах всех оборонных
В час, когда все люди уснули,
На серебряные патроны
Поменяют старые пули.

На лице Сикстинской Мадонны
Выступают трупные пятна,
И получают все эшелоны
Вдруг прика. вернуться обратно

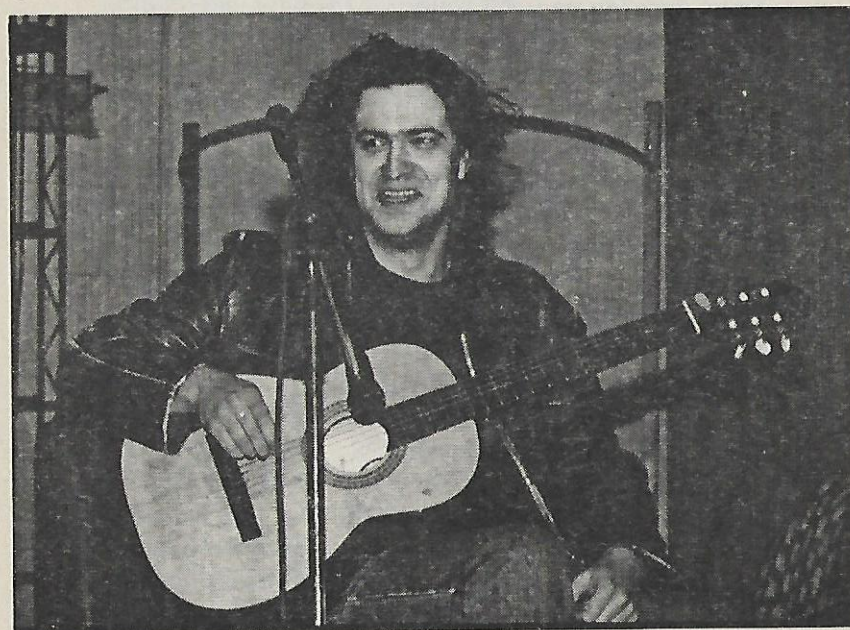
На щитке пожарной системы
Сорвана защитная пломба
И прольется мертвое семя
В черное, бесплодное лоно

С коробком дружившая спичка
Не узнает цену измены
На щеку упала ресничка
На какую - мне неизвестно

И пока просроченный вексель
Не швырнули в жаркую топку
Хочется не думать о сексе
Хочется не думать о водке

Нас подвяжут ниткою синей
Нас крестят осиновым колом
Чтобы быть здоровым и сильным
Чтобы быть свободным и голым

Потому-то в школе воскресной
Нас научат всех на "отлично"
Чтоб, встречая патруль небесный
Объясниться с ним поприличней

Чтоб войти в доверие быстро
Чтоб попасть туда, куда надо
В те места, куда и на выстрел
Не подпустят нашего брата

И когда в священные залы
Мы влетим сияющей птахой
То господь посмотрит устало
Скажет: "А пошли вы все на хуй!"

* * *

Мои войска - в голове туман
Мои войска - белена, дурман
Косая сажень, прямая речь
Картонный щит, деревянный меч
Гуляй, гуляй - кобура пуста
Сыра земля, поцелуй в уста
Белы снега, да ручей голубой
Рога с потолка - это черт с тобой

Огонь погибал на моей войне
На моей войне, да на той стороне
Орал, умирал, слюну вытирал
Его пытал чужой генерал.
Кричи, не кричи, говори быстрее
Стена - кирпичи, приговор - расстрел
Трибунал - великан, да карлик конвой
Свеча с потолка - это бог с тобой!

Чужой патруль у моих ворот
Чужой козел да на мой огород
Идут, идут по моим городам
Самбайну-Дарга, монгол Шуудан
Петля - река, берега - капкан.
Наверняка да не по ногам.
Лежал снежок да водицей стал
Не зря дружок сапоги топтал
Еще шажок и горит бензин
Не зря дружок да погоны носил
Пока, пока да играйте отбой
Свинья с потолка - это я с тобой!

Сестра

Сестра принесет мне испить воды,
Мутной воды да в медном ковше.
А братья на печке глотают дым
И давят боками голодных вшей.

А что же ты, батя, не выйдешь к гостям?
А что же ты стал, как перед ордой?
Смотри, как твой младший, босяк да смутьян,
Подметные письма таскает домой.

А слухи летят, вырываясь из пут, -
И вот уж холопы не платят оброк.
А нищий бродяга, юродивый плут,
Камень тяжелый достает из-под ног.

Опричники спросят о том у отца.
Опричники спросят у глупой молвы.
И полетит голова молодца
В пыльные травы да в мягкий ковыль.

Сестра соберет мне в дорогу харчей,
Сестра проведет меня через сад.
Я сгину росинкою в диком ручье.
Я сгину слезою в сырых небесах.

Донна Анна

Белы снега в Кордильерах
В черные волосы - розу
Не троньте меня, кабальеро
Пока я курю папиросу
Ветром земли Ханаана -
Запахи пряностей разных
Не плачьте, о, донна Анна,
Ваши глаза прекрасны.
О, господин коррехидор,

Пустите меня, хулигана
Туда, где идет панихида
В соборе святого Стефана
Где, наклонясь к изголовью
Под звуки церковного хора
Сейчас истекает любовью
Вдова моего командора.

Мертвому место в склепе
Женщины место в серале
Ангел будет на небе
А дьявол будет в подвале
А я между тем и этим
Стою на земной твердыне
Один на всем белом свете
Своей обуян гордыней

Воздух - звезде и птице
Земля - кроту и мышонку
Бросьте меня в темницу -
Я перегрызу решетку
Закуйте меня в оковы
Отбейте мне ум и печенку
Поставьте ко мне часового
Но я совращу девчонку

Юноша с розовым бантом
Тянет свой aqua vita
Огненная сарабанда
Пляска святого Витта
И среди этого ада
Песня моя все победней
Идите, о донна Анна
Я ухожу последний.

Тицианова Девственница

В этом небе воздух - спирт неразбавленный -
Дружен с миром, как хлеб дружен с голодными.
Я стекаю сегодня легкими каплями
По кресту с опавшими позолотами.

Веселитесь, друзья, ведь ничто не изменится,
Если я не приду к вам с простуженным голосом.
Посмотрите, как Тицианова Девственница
Убирает со лба мои мокрые волосы.

Я пою, но не знаю, зачем это делаю,
Ведь они не увидят, праздно пришедшие,
Как срываются в кровь мои пальчики белые,
Не посмотрят в глаза мои сумасшедшие.

Голубица грустит над своими младенцами,
Недобитыми пулями юных охотников.
Я бледнею разорванными полотенцами
На пути между Богом и подоконником.

Я найду свою тень у каждого деревца.
Я найду свой хлеб у каждого колоса.
Я живу, пока Тицианова Девственница
Убирает со лба мои мокрые волосы.

Шарообразность

Вечером по небу золотую блесной
Проплывает Илья-Пророк в своей колеснице.
В ней солнце, как колесо,
А лучи в том колесе - спицы.

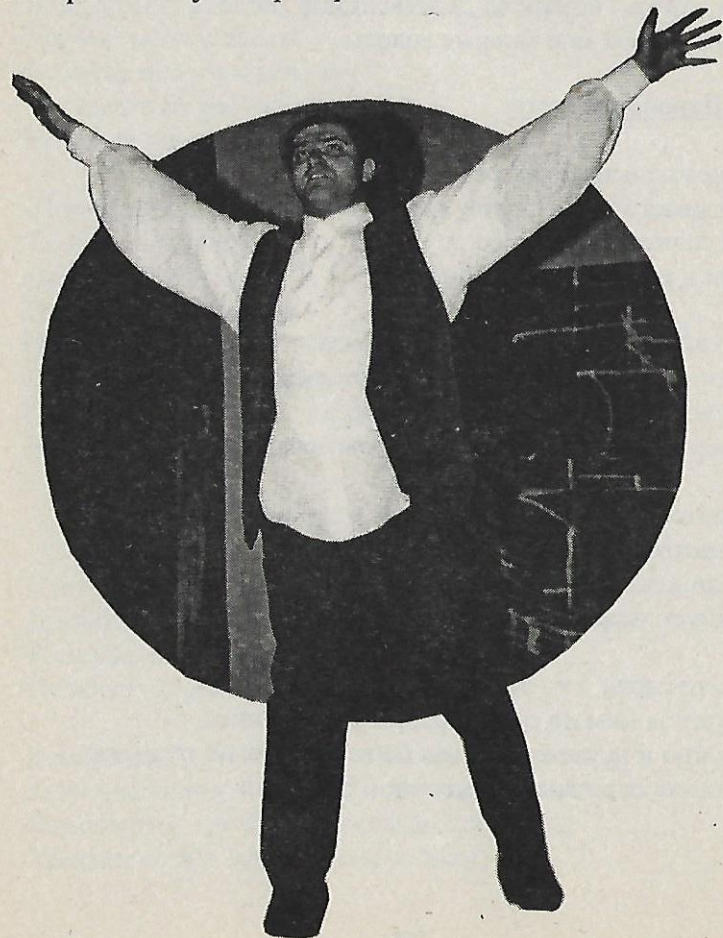
Долго не смотри - будут болеть глаза:
Солнечные лошади заденут их своими копытами.
Так по-своему расправляются небеса
Со смертными, дерзкими и любопытными.

Торопитесь, проданы все билеты в первый ряд.
Для знатоков - зрелище - высший сорт,
Как одинокий и безоружный солдат
Штурмует укрепленный небесный форт.

И чьи-то слова, - то ли поощрение, то ли упрек
Следуют за ним по самой длинной из лестниц.
Медленно и неумолимо - как по вене газовый пузырек
Поднимается во время кессонной болезни.

Господи, я так спешу- дай мне гвозди и доски и я сделаю плот
 И тогда мне уже не надо будет моста.
 Но если в водах Евфрата я выловлю
 дважды укушенный плод -
 Это значит, что я опоздал.

Тогда я выйду на берег
 И буду смотреть, как уплывает баркас.
 Я изнемог от трудов и поэтому
 да здравствует праздность!
 И глядя, как парус уходит за грань,
 Я, видимо, в первый раз
 Поверю в земную шарообразность.

Обещание

Сегодня одной монетою
 я получил по закону
 Власть, которой не было
 у Аттилы и Наполеона,
 И я обещаю ныне,
 стоя пред ликом Божиим,
 Выдать каждому в мире
 то, что ему положено.

То, что от века падшего
 всем обещали заживо
 Праведное монашество,
 сильные мира нашего.
 Воздуха - всем задушенным,
 крылья новые - ангелам.
 Душам, во тьме заблудшим, -
 силу святого Евангелия.

Умершим без погребения -
 теплые доски гробовы.
 Утратившим терпение -
 еще один раз попробовать.
 Иерусалиму и Мекке,
 мхам и высоким соснам,
 Всем берегам и рекам
 я обещаю солнце.

Будет над градом мятежным
 наше веселое знамя.
 Роза при имени прежнем -
 с нагими мы впредь именами.

Stat rosa pristina nomine,
 nomina nuda tenemus.

Апокриф

Будет из тьмы кромешной
 день подниматься ненастный.
Будет поземкою снежной
 след заносить неясный.
Будет башня набатом
 прощаться с ковчегом Ноя.
Падет на ладонь виноградом
 восьмое чудо земное.

Будет вначале слово
 записано с красной строчки.
Пергамент беспрекословно
 обнимет знак многоточия,
Проткнувший его оболочку.
 а что бы случилось дело,
Бесстрашной и непорочной
 будет юная дева.

Ей платьем - звонкие латы,
 ее легионы несметны,
Пойдут за нею отряды,
 безжалостны и бессмертны,
Будут ее пеленки
 белей и прочнее кремня,
Где-то в земле далекой
 родится новое племя.

Будет пытаться Ирод
 убить их еще в утробе.
Последнее золото мира
 канет в глубокие копи.
Там, где мерит гребенка
 черного волоса бездну,
Раздастся голос ребенка,
 свод потрясая небесный.

Быть ему не булочником,
 быть ему не карманником,
Быть ему не лучником,
 быть ему не охранником,
Тайно не приторговывать
 ему товаром украденным.
А над горою Голгофою
 висеть ему перекладиной.

На теле у астролябии
 Лев с Козерогом дружен.
Водой из небесных хлябей
 полны и моря и лужи.
Огонь может быть пожаром,
 а может в камине биться.
Сыты одним урожаем
 апостолы и убийцы.

Металлом владеет Кесарь,
 и раб на Кесаря пашне,
Стоящие перед мессой,
 идущие в рукопашный.
И дерево может быть лестницей,
 а может служить и клином,
А может быть перекрестием
 над Иерусалимом.

Будет никем не прерван
 пир там, где стол так беден.
Будет беда на первое,
 а поцелуй на третье.
Будет в сыром тумане
 зябко в одежде ветхой.
Вдаль уходящий странник
 скрипнет поломанной веткой.

Туринская Плащаница

С сердцем, отягощенным множеством печальных дум о событиях этой ночи, проснулся я утром пятого дня, когда уже отзвонили к первому часу и Вильгельм, грубо тряхнув меня за плечи, известил, что совместное заседание вот-вот начнется. Я выглянул в окошко своей кельи и ничего не увидел. Вчерашний туман превратился в плотную, цвета молока пелену, целиком укрывшую монастырский двор.

(Из Умберто Эко " Имя Розы ")

Черной горою да полем зеленым
Ехал епископ из Авиньона.
Дорога бежала белой полоской.
Что-то лежало в его повозке.
Что там хранится? Не рожь, не пшеница,
Не ока зеница, не неба зарница,
Не праведница и не блудница -
Там Туринская Плащаница.

Въехали в город в северной части.
Вера - не счастье, счастье - причастие.
Будут на ужин им слезы коровьи.
Хлеб с кипятком, молоко с кровью.
Вечер расплакался выжатой губкой.
Горькие слюны стекли по скорлупкам
Битых орехов на рыночной площади -
Их растоптали епископа лошади.

Ночью над городом колокол вешался.
Пьяный звонарь над бедой его тешился.
В городе пост, а над ним - Воскресение -
Дьяволу - горе, нам - во спасение.
Вышел епископ и вынес реликвию.
Божья коровка не верит в религию:
Мертвую тлю шупая усиком,
Завтракает на лице Иисусовом.

Он говорил мне прежде, чем вышел:
«Будьте как кошки, будьте как мыши,
Будьте как дети, будьте как звери,
Будьте как стены, будьте как двери..
Будьте как праздник, будьте как битва,
Будьте как кожа, будьте как бритва,
Звонкою песней в горло немое,
Ложкою меда в бочке помоев

Во имя всевышних, во имя всенижних,
Во имя ближних, во имя лишних,
Во имя слабых, во имя сильных,
Во имя уродливых и красивых,
Во имя железных, во имя медных,
Во имя румяных, во имя бледных,
Во имя разогнутых и согнутых...
Я видел его до последней минуты.

Ходили по городу разные вести,
Будто меня с ним видели вместе,
Будто бродили два оборванца.
Два оборванца, два иностранца.
Он был небрежен и неосторожен,
Он был задержан и уничтожен,
Меня пожалели, меня простили,
Предупредили и отпустили.

Вам добродетель, мне - искушение,
Вам - победа, мне - поражение,
Чаша Грааля мне битая ваза,
Друг мой разбойник зеленоглазый.
Утром застонет в вихре опилок
Город, застреленный мною в затылок.
Будет мне нимбом пепел окраин.
Я выбираю исчадие рая.

* * *

Однажды кисть или перо
Напишет стих или картину
Как поутру у гильотины
В улыбке исказится рот

И упадет слезинка в бочку
Всех данайд. Когда потом
Под восемнадцатым листом
Поставит век кровавым точку

И капля лишняя случайно
Вниз полетит из бочки той
Где кровь мешается с водой
Где смех мешается с печалью

И поплывет по водам Леты
Вниз, по течению реки
Венец из роз великолепный -
Оборванные лепестки.

Есть Ангел...

(посвящение Фридриху Ницше)

Есть ангел, охраняющий ворота в Эдем, -
Я буду взмахом его меча,
Мудрым и кротким змеи и голубя поединком,
Спокойным и крепким, как сон палача,
И незаметным, как кровь на его ботинках.

Я буду сонтием высокого и низкого,
Подобием точного и искаженного,
Стигматом на руке Франциска Ассизского
И язвой на теле у прокаженного.

Я дам пищу сплетням и легендам,
Я буду возвышение и опала,
Я буду словами «Karthagenum esse delendam»
И клятвою Ганнибала.

Я буду трагедией и неудачною шуткой,
Я одену одежды преданного и предателя,
Я буду пожаром,
Между пеплом и огнем промежутком
И карой, ожидающей поджигателя.

Постепенно я забуду то, что слышал
В долгих беседах с волхвами и магами.
И я не увижу неба через разбитую крышу
И стен храма, поросших алыми маками.

Со временем я научусь жить среди людей.
Чтобы я не испытывал жажды,
Чтобы руки мои всегда были чистыми,
Я буду пить из всех стаканов,
Я буду мыться в грязной воде,
Набирая её в мелком ручье истины.

И однажды, посреди веселого празднества,
Я поймаю мысль, маленькую, колючую, злую,
Что я последний, который чувствует разницу
Между укусами и поцелуями.

Хаким из Мерва

(из Х. Борхеса)

Когда воздух пустыни белёс и слепящ,
Когда солнце сходит с ума,
Когда полдень накинёт свой порванный плащ
На дома,
Когда с минарета натянутый нерв
Песня бросит в песчаную даль,
Красильщик в маске вернется в Мерв
Навсегда.

Он пройдет через город, как нож через мед,
Он не обернется на крик.
Он найдет свой дом, зайдет и замрет
У двери.
Он замрет, подумает и не поймет,
Отчего же он так бежал.
А потом обернется и облизнет -
Мед с ножа.

Он увидит, как на стене засверкал
Яркий солнечный блик,
Как отразится на бронзе зеркал
Его укутанный лик.

Он почувствует запах окрашенных кож,
Поднимавшийся из глубины,
И старой двери передастся дрожь -
Дрожь от его спины

Он увидит в окне - солнцем не опален
Рвет орел небес паутину
Он летит и стремителен этот полет
Как бегство из Мекки в Медину
Но вовек никогда не заносит орла
Куда залетает муха
И верблюд не пройдет сквозь иглу, но игла
Пройдет сквозь верблюда ухо.

Он подумает, глядя, как туча мглой
Закрывает его небосклон
Что лучше - быть мухой или иглой,
Верблюдом или орлом?
Что лучше быть великим в большом,
Или великим в малом?
А ветер горячий лицо ему жег
Сквозь шелк покрывала

Он сказал, что кармин и пурпур - обман
Что лживы любые краски
Что родина кедра - это Ливан
А сталь родилась в Дамаске
Что бог недаром проклял свинью,
За то, что глупа и грязна
Что от проказы долго гниют
А смерть от копья прекрасна.

Когда его кровь впитает песок,
Как влагу - сухие ведра
Натянет вечер свой поясок
На ночи черные бедра

Последняя тень переступит порог
И будет рождаться сказка
Как жил и умер один пророк -
Из Мерва красильщик в маске

Скажут, что он ненавидел людей
За их зеркала и ложа
Что он любил вдыхать в темноте
Запах окрашенной кожи
И будут они вдохновенно лгать
Неистово и поспешно
А луна с бесстыдством, присущим богам
Смотрит на них с усмешкой.

Вечер в Эдеме

Где-то там далеко-далеко,
За сплетенными в цепь кольцами горизонта,
Есть земля, что течет медом и молоком,
И серебром, и золотом.

И я прикоснусь только на миг
К краю цепи пальцев кончиками,
И она на целый мир
Зазвенит веселыми колокольчиками.

И пойдет по земле золотая дрожь,
Облегчая страдания больным и раненым,
И проснется спящий у врат сторож -
Ангел с мечом пламенным.

Я знаю, что он очень устал,
И столько лет ожидания вечности
Он думал о том, как его снимут с поста,
И он отдохнет по-человечески.

И я подойду к входу в страну,
Чтоб сказать доброе слово охраннику,
И четыре реки сольются в одну,
Преграждая путь дерзкому страннику.

А он проведет рукой по волне,
И волна, притихши, на дно уберется.
Я знаю - он удивится мне.
Я знаю - он мне улыбнется.

А я расскажу ему о городах,
Об их площадях, дворах и темницах,
О том, что девица не стоит плода,
О том, что плод не стоит девицы.

О том, что птицы не выше крыш
Летают, лишь бы к земле поближе,
О том, что мессы не стоит Париж,
О том, что месса не стоит Парижа.

О том, что люди злы и глупы,
И что их имена не менялись веками.
Что время из камня делает пыль,
Но из пыли не делает камня.

О том, что огонь позабыт и потух,
И живет лишь в очагах и лампах.
О том, что люди ходят на двух,
А звери - на четырех лапах.

О том, что стрела не видит мишень.
И мишень над стрелою будет смеяться.
О том, что кот не ловит мышей,
И мыши больше кота не боятся.

Что святость и святотатство - родня,
И что смелость живет лишь в преступлении...
А он будет молча слушать меня
И качать головой от удивления.

И я позову его в города,
А он мне скажет, спокойно, без гнева,
О том, что Евы не стоит Адам,
О том, что Адама не стоит Ева.

Что здесь его солнце, здесь его тень,
Его отрава, его отрада.
О том, что Сад не стоит людей,
О том, что люди не стоят Сада.

А звезды слушали нас с небес.
Их много и вместе они не уместятся.
И воевал с полумесяцем крест -
Южный крест с половиной месяца.

И я ухожу, не дождавшись утра,
И он ворота закроет за мною.
Гихон, Фисон, Хиддекель, Евфрат
На прощанье помашут волною.

Эль-Рей

(по фильму " От заката до рассвета "
памяти Ричарда Гекко)

В темноте, за спиной, за стеной, за углом
Проедет ночной экспресс.
Белый кий над зеленым сукном
Проведет перевернутый крест.

У тусклой лампочки тени, как нимб,
И стены в дырках от пуль.
когда кто-то садится в кабину к ним,
Шоферы бросают руль.

И грузовики, как черный поток,
Уходят в бездонный провал.
А души взлетают на небо, где Бог
Отбирает у них права.

И этой ночью блаженные сны
Приснятся тому, кто спит.
Ему приснится сладкий жасмин
И стопроцентный спирт.

Выходят дамы из галерей,
Неся в волосах цветы...
А он никогда не увидит Эль-Рей,
И не увидишь ты.

Никто не спасется, никто не сбежит.
Дверь открывать не смей!
И все, кто искали лучшую жизнь,
Найдут не лучшую смерть.

В очках - озерах трещин развод.
Холодный зрачок пуст.
Он почувствует - в мертвом теле его
Появится мертвый пульс.

И полетит, почти не дыша,
К небу прижавшись крепко,
Проклятая, проклятая душа,
Душа Ричарда Гекко.

Сгорает бабочка в фонаре,
Дымит прозрачная кожа...
А он никогда не увидит Эль-Рей,
И ты не увидишь тоже.

А утром, утром чары падут,
Замки падут вместе с ними.
И женские губы станут в бреду
Шептать проклятое имя.

Ей так хотелось без плана, без карт
Мчать путями большими.
Ей так хотелось ворваться в ад
На своей горячей машине.

Ей так хотелось на белый снег
Пролить золотую желчь.
Ей так хотелось подняться наверх
И небеса поджечь.

И вот за солнцем она на заре
Гонит усталый мотор,
Она никогда не увидит Эль-Рей,
И не увидит никто.

Бегство Винсента Мун

(из Х. Борхеса)

Когда рассеялся дым,
Он понял, что подавили восстание.
Кто-то ударил в тыл
С другой стороны мироздания.
Гул шагов о беде
Ему говорил сквозь анфиладу.
Он нагнулся к воде
И тронул ее движеньем Пилата.

Он поднял ворот пальто -
Из-за стыда или от холода.
Его не заметил никто,
Когда он уходил из города.
И на вокзале в вагон
Садясь, как будто во время болезни
Лицо закрывал платком,
Скрывая прикосновение лезвия.

Сквозь пелерину вьюг
Колеса звенели, как тридцать сребреников,
Далеко на юг
Унося, увозя изменника.
Ночью прибудет в порт
Корабль и отправится утром рано.
Тихо взойдет на борт
Корабля человек со шрамом.

Каплей в людской реке
Лицо его смывается и позабудется.
Он вспомнил, как манекен
Расстреливали солдаты на улице.
Лопалась тонкая ткань,
И ветер, ключья ваты взвивая,
Плакал, а издалека
Казалось, что эта кукла живая.

Небо

Я знаю - небо бывает пустым
По вечерам, когда странные тени
Цепями звеня поднимают мосты
И приносят на землю печаль и смятение.
Я знаю - небо нельзя измерить,
Его безмолвие везде одинаково.
Стучится ветер в раскрытые двери
На последней ступеньке лестницы Иакова.

Тот ветер усталый зол и колюч,
Он дует тысячи лет кряду.
Но Бог запер мир и выбросил ключ,
А я подобрал его и спрятал.
А люди вверх поднимают глаза
И видят, как эти дали прекрасны.
Они знают, как заманчивы небеса,
Но не знают, как те бывают опасны.

Ведь в небе, в небе нет никого,
Кто б сказал им, что этого делать не стоит,
Стоящим с поднятой головой
И захлебнувшимся высотой.
А после они выгорают дотла
Изнутри, и другие найдут на рассвете
Лежащие под небесами тела
Без видимых признаков насильственной смерти.

И все-таки кто-то останется жив
И пойдет по миру, осыпая упреками
Свою слепую земную жизнь,
Хрипя обгоревшими легкими.
Я знаю, что я окажусь живуч,
Но не буду об этом рассказывать каждому.
Я возьму найденный ключ
И вставлю его в замочную скважину.

Там я увижу бездонную высь
И почувствую, как в наступающих сумерках
Пролетает птица - последняя мысль
По черному небу моего безумия.
И я буду низвергнут в море огня,
Моя плоть истлеет, а дух рассеется.
Вот Он опять убивает меня,
Но я опять стану надеяться

На то, что небо бывает пустым.

Я знаю - небо бывает пустым...

De Profundis

(Из Рильке)

Покинет солнце круг земли,
Погаснут фонари и свечи.
Уйдут в томительную вечность
Венцы, дворцы и корабли,
Умрут пророки и предтечи,
Скупцы, купцы и короли.

И месяц - хитрая лиса,
Сверкая серпом золоченым,
Взойдет над градом обреченным
До полночи за полчаса,
Поднимется над бездной черной
Звездой в лунных волосах.

И бледный свет, сродни реке
Струей воды, летящей книзу,
Пилястры, портики и фриз
Утопит в лунном молоке,
Зальет балконы и карнизы,
Афины, Рим и Карфаген.

И ночь, безмолвием дыша,
Преодолев тоску и робость,
Шагнет в подставленную пропасть,
Неся гибель и пожар,
Храня умеренность и кротость,
Пойдет неслышно, не спеша.

И не видать сквозь туч гряды,
Как путник в одеянии грязном,
С надеждой смутной и напрасной,
Бредет один через беду,
Со взором грустным и прекрасным,
Врываясь в улиц череду.

Его ждут дома этажи,
И тень в серебряной оправе
Его утешит и направит,
Зажжет иные миражи.
Как исключение из правил,
Он будет мучиться, но жить.

Гобелен

От тщеты бытия оградясь чередой укреплений,
Созданных в мыслях в камере после пытки,
Он думал о детстве и белом единороге на гобелене,
Который жевал траву - зеленые нитки.

Боже! До чего эта зелень нетленна,
И как нетленны здесь времени превращения.
Сколько лет единорог не сходил с гобелена,
Не зная ни голода, ни пресыщения.

А слева на переплетеньи атласном,
Прекрасная, как похищенная Зевсом Европа,
Стояла девица, вышитая синим и красным,
С букетом из лилий и гелиотропов.

Бесстрашная, она улыбалась не веря,
В то, что эти нити непрочны,
Зная, что ее защита от зверя -
Это лишь ее непорочность.

Содрогалась от смеха большая тюрьма,
И черная тень, стоя на пороге,
Шептала: «Монсеньор, узник сошел с ума,
Он бредил о деве и единороге.»

А смех бежал по коридорам и лестницам,
Разбивая двери, замки и засовы.
Он знал, что больше нет единорогов и девственниц,
Кроме вышитых и нарисованных.

Песня Греческой Девушки

(Из П. Мериме)

Бывает так - разорвет темноту
слабый луч - за терпенье награда.
Слова у нее вязнут во рту:
- Прошу заберите меня из ада!

Прошу, возьмите меня наверх,
туда, где пасутся стада овечьи
На склонах гор, а зимою снег
ложится белой шалью на плечи.
-Девочка, у тебя в волосах
востает ветер, ветер дикий.
Девочка, он разбудит пса,
а пес не выпустит Эвридику.

-Волосы шею мне жгут,
душат меня белокурые сети.
Если я волосы состригу,
в них замолчит ветер.

-Девочка, на тебе надето
платье из ткани тяжелой и крепкой.
Девочка, оно намокнет в воде -
тебе не переплыть реку.

-Платье мое тяжелее ночи,
рвется кровь наверх через голову,
Я платье разорву в клочья
и войду в эту реку голою.

-Девочка, твои туфли скрипят.
Шорох воров крадется сквозь воздух.
Девочка, сторожа не спят
и услышат тихую поступь.

-Я туфли брошу назад,
разойдутся ноги кровавыми лентами.
Я закрою, зажмурю глаза,
чтобы глаза меня не предали.

Прошу, возьмите меня наверх!
Там мой милый плачет, я слышу голос.
Его щеки покрылись навек
от горьких слез алыми полосами.

-Девочка, милый твой от вина
пьян, и мутны у него зеницы.
На его коленях сам сатана
сидит в образе прекрасной блудницы.

И слабый луч, на который, кулак
сжав, ты смотришь, вздыхая тяжело,
Попавший сверху неведомо как, -
отблеск его золотой пряжки.

Дева и Сердце

Когда-то я слышал сказку, о том, как в дальней стране
Утром солнечный лучик пляшет на пыльном окне
Там домик с покатою крышей, крытою берестой
Двери его на запад, окна его - на восток
Утром приходит солнце - так уж заведено -
В окна оно заходит, в двери выходит оно
Солнце уходит на небо - у солнца свои пути
Солнце уходит дальше, чтобы другим светить.

Жила в этом домике Дева, смотрела в лесную даль
Губы ее - кораллы, глаза у нее - миндаль
Руки ее - из снега, сердце ее - из льда
Она была прекрасна, она была молода.
Она по ночам ложится, она по утрам встает.
Птицами и цветами вышито платье ее
И вот грозовою ночью, она весела и зла
Пришла неслышной воровкой и сердце мое унесла.

И ночью, темною ночью, когда бушевала гроза
Я видел у изголовья безжалостные глаза.
И я обошел полмира, утратил покой и сон
Свет от чужого солнца жалил мое лицо
Я шел по чужим дорогам, сидел у чужого огня
Я видел многих и многие тоже видали меня
Но только никто не видел ни близко ни далеко
Платье ее из шелка с птицами и цветком.

Люди, слышите, люди, невидимая никем
Ходит по миру Дева с сердцем моим в руке
Голос ее серебристый рушит любой гранит
Смотрит она на сердце и смеется над ним
А я у чужого порога снова стою один
Ветер, холодный ветер, дует в моей груди
Люди ее не троньте, не делайте ей ничего
Пусть сердце себе оставит, оно все равно мертво

Когда-нибудь кончится время, когда - не знает никто
Снова вернется дева в свой постаревший дом
Снимет тяжелую обувь и разожжет камин
Посмотрит она на сердце и заплачет над ним
А я проходя случайно один на своем пути
Гляну в ее окошко и не смогу отойти
И два одиноких взгляда впервые за столько лет
Сойдутся, и мир исчезнет когда, она выключит свет!

Четвертая Река

Однажды ночью где-нибудь между
Двумя городами в чужой земле
Отряд покинет песок побережья
И не востоке исчезнет во мгле.

Когда звезда на небе погасла,
И в городах потушили огни,
Все колеса смазали маслом,
Чтобы не скрипели они.

И уходили в молчании жутком,
Чтобы услышать их не смогли.
Двигаясь совершенно бесшумно,
Будто и не касаясь земли.

А где-то в обозе, совсем неприкаян,
На дне окованного сундука,
Лежал и ждал своего пергамент,
На котором протекала река.
Есть реки с разными именами,
Что и не ждали доли такой -
Стоять обманными письменами
Перед последней четвертой рекой,

Чьи воды, словно плод запрещенный,
Выводят на свет потаенную мысль,
Скрывая от глаз непосвященных
Для посвященных открытый смысл.

Они уходили в рассветное пламя,
Пока их первый порыв не остыл,
И мяли багряную орифламму
Горячие желтые пальцы пустынь.

Когда за добычей слетятся грифы,
Парящие преданно в небесах,
Апокрифы, знаменья и мифы
Растают в похолодевших глазах.

И в северном городе, в том, что всех краше,
Девушка станет внезапно бледна.
Она оставит извечную пряжу
И больше не тронет веретена.

Она посмотрит из узких окон
На спящий у ног ее каменный град,
И тихо слезинка падет из ока,
Последняя, как река Евфрат.

Леди Джейн

Когда она оставалась одна,
Освобождаясь от мира бремени,
Видела, как штормовая волна
Идет наверх по реке времени.

В краю, где бродят слепые огни,
Среди тумана шагами тихими,
Где бьются о берег холодные дни,
Слетая с волны холодными льдинками.

Когда она оставалась одна,
Ловя ускользящие мгновения,
Под рукою ее стена
Дрожала от легкого прикосновения.

Двоилась черная полоса
В окне, нетронutom занавескою.
Мелькали буквы в ее глазах:
Латинские, греческие, еврейские.

Дымила трепетная свеча -
Язык багряный во рту полночи,
И слабый голос ее дрожал,
Сражаясь с адскими полчищами.

И губы шептали в сырую ночь,
Бросая стоны в ладони ветра:
"Нет, нет, уходите прочь,
Vade retro!"

О, леди Джейн - она станет серей,
Чем ряса, чем имя, с которым дружила,
Когда засверкает на топоре
С утра росинка слезою лживой.

Прогнется крутою дугою мост
Над бездной, над черною пастью голодного,
И содрогнется прочный помост
Под ее стопою, такую бесплотною.

Она увидит на самом дне
Потока, рядом совсем лежит с ней
Ее королевство на девять дней.
Девять дней - как девять жизней!

Когда она оставалась одна,
Освобождаясь от мира бремени,
Видела, как штормовая волна
Идет наверх по реке времени.

Тебя не существует

Тебя не существует, ты ничто
Ты миф, видение безумного провидца
Ты дымка та, что над огнем струится
Ты - сам огонь, ты им рожденное плато,
Восставшее над твердью мировую.
Ты всё! Ты стая птиц над головою
Ты червь, питающий утробу этих птиц
Ты соприкосновение десниц
И их разъединенье вековое

Та сила, что перо прижмет к листу
Та боль, что будет слаще всякой неги
Твое лицо в плену дождя и снега
Ты крест и гвоздь, что плоть прибьет к кресту
Ты легкий челн, оторванный от берега,
Которого всем естеством взыскуешь
Где мой корабль, сидящий на мели
На северн ой окраине земли.
Я верую, что ты не существуешь.

Другой мир

Есть мир, где плодоносит смоковница,
Где первенцы в Египте не умрут,
Где склон полог, а дол скалист и крут,
Где саранча не станет есть пшеницу,
Где Лазарь не покинет мрак гробницы,
Неся на теле тления печать,
Где город свой на смерть чужим мечам
Не даст иерихонская блудница.
Благополучен путь в Фарсис из Яффы,
Н будет шторма, бунта и кита,
Ударит камень прямо в центр щита,
Хоть был нацелен в око Голиафа,
Там сжалится над пленным Каиафа,

И Анна будет кротким, словно лань,
Он пленнику свою протянет длань,
Благословя его на путь деяний.
Но Пастырь плачет и идет во тьму,
И дьявол крикнет с хохотом ему
Вослед: "Ты проиграл, Галилеянин!"

Сонет

Избавь меня от дня и темноты,
Спаси меня от доброго и злого,
Огня и хлада, действия и слова,
Храни меня - и стану я как ты.
Но ты безгласен - в этой немоте
Есть нечто, что полнит меня отвагой.
Хоть толковать подобный знак как благо
Не стали б люди - что мне до людей!
Я знаю мир, где солнце светит ночью,
Где семена растут обратно в почву,
Где попораны запреты и законы,
Я буду жить, не ведая грехов,
И наблюдать, как в небе далеко
Кружатся ангелы, кометы и драконы.

Борис Смоляк.

Четвертая река.

« 18. Не заслуживает содеянное человеком ни адского
пламени, ни благодати небесной».

Х.Л. Борхес.

«Фрагменты апокрифического Евангелия»

«...проповедь наша тщетна, тщетна и вера наша».

Апостол Павел.

Действующие лица

Маллеус . - ловец преступников.

Епископ

Графиня

Брат Амос - монах

Линкс - оруженосец

Клото - вдова коменданта крепости

Анна - Валентина - её воспитанница

Действие происходит в средние века на Святой Земле.

Первое действие

Резиденция Епископа. Середина дня, но из-за опущенных штор в комнате полумрак. Епископ нервно расхаживает по комнате. Тихо входит Маллеус.

М а л л е у с. Моё почтение, монсеньор.

Е п и с к о п (*вздрагивая*). Ты напугал меня, Маллеус. Твоя поступь легка, ты всегда приходишь неслышно и неожиданно.

М а л л е у с. Но вы ждали меня. Ваш посланец передал вашу просьбу, и я не замедлил явиться.

Е п и с к о п (*нервно-задумчиво*). Да, моя просьба... Маллеус, мне нужна твоя помощь. Твоё умение, твоё искусство, твой опыт. Произошло несчастье.

М а л л е у с. Я охотно выслушаю вас и постараюсь помочь, но я сперва подниму шторы. Здесь очень темно. (*Идет к окну.*)

Е п и с к о п (*с неожиданной горячностью*). Не надо, Маллеус!

Маллеус застывает, удивлённый.

Прошу тебя, не нужно этого делать. Я сам их опустил.

М а л л е у с. Это ваше право, монсеньор. Но я считаю своим долгом сказать, что если свет вам неприятен, то сегодня пасмурно, а это большая редкость для этих мест, и ещё – в такое время суток солнце, даже когда оно есть, освещает другую сторону здания.

Е п и с к о п. Считай это моей прихотью. Неужели это так важно?

М а л л е у с. Это не важно. Совсем не важно. Но странно в сумрачный день видеть человека усугубляющего сумрак.

Пауза. Епископ отходит к окну.

Е п и с к о п. Там, за этими тяжелыми тёмными шторами лежит тяжелое тёмное небо, обещающее грозу. Так странно, и даже противоестественно видеть здесь, среди пустыни, эту серую пелену. Но я могу поклясться, хоть и не знаю, что даёт мне эту веру, что эта пелена – только насмешка безводных небес над бесплодной землей. Дождя никогда не будет. Ты знаешь, (*киво улыбается*) в последнее время я начал

сомневаться в том, что когда-то в этих местах дождь шёл больше месяца, и вся эта местность была дном. Мы – рыбы, Маллеус, мы – рыбы, оставшиеся на высохшем дне, и наши жабры жжёт раскалённый воздух. Это так больно. Но я опускаю шторы, и сомнения покидают меня. Нет больше лживого неба, нет дна, нет рыб с обожжёнными жабрами, а есть я, мои шторы, моя комната, всё становится на свои места, я снова господин в своём маленьком мире.

М а л л е у с. Ваша находчивость делает вам честь, монсеньор, однако ваша душевная флагелляция не имеет ничего общего с тем, как я представляю себе мудрость. Здешний климат, конечно, оставляет желать лучшего, однако Некто, чьи действия судить не нам, именно так неравномерно распределил земные блага, и, видимо, имел на это достаточно веские причины, нам непостижимые. Солнце, здесь сжигающее почву, в других местах ее сушит. И вечный дождь тоже не похож на манну небесную. Вспомните, что вы мне рассказывали о вашем детстве, проведённом в болотистом и дождливом краю, где жизнь уходила с кашлем и оставалась на простынях кровавыми гаднами.

Е п и с к о п (*отстраненно*). В детстве я тяжело заболел. Никто не верил в счастливый исход, и плотник изготовил гроб, маленький гробик ребёнка. Но случилось чудо – я выжил. А гроб – остался. Потом я часто спускался в подвал, смотрел на гроб, и мне казалось, что он растёт вместе со мной.

М а л л е у с. Вы носите его за собой всю жизнь. Похоже, он достаточно вырос.

Е п и с к о п (*киво улыбается*). Ты всегда знал, как утешить человека. Всегда приятно с тобой поговорить. Ты никогда не думал стать священником?

М а л л е у с. Мне нравится, чем я занимаюсь. Это позволяет мне наблюдать за людьми.

Е п и с к о п. Но это не очень-то почётное ремесло.

М а л л е у с. Несмотря на это, одни меня уважают, другие – боятся. Что ещё нужно для счастья? К тому же мои услуги хорошо оплачиваются.

Е п и с к о п. Я думаю, ты совершаешь ошибку.

М а л л е у с. Я совершаю правосудие. И вы отпускаете мне грехи.

Е п и с к о п (*смущенно*). Да, но...

М а л л е у с (*прерывает*). Монсеньор, познание умножает скорбь. Вы меня зачем-то звали.

Е п и с к о п. Да, Маллеус. Я прошу тебя помочь мне найти одного человека. Беглеца.

Маллеус. Я ловец человеков, монсеньор. Но я должен знать, кто это.

Епископ (*очень тяжело, через силу*). Мой секретарь. Брат Амос.

Маллеус. Ваш секретарь? Мне он всегда казался весьма учёным и достойным человеком.

Епископ. Мне тоже.

Маллеус. Он сбежал?

Епископ. Да.

Маллеус. И вы хотите, чтоб я его нашёл?

Епископ. Да.

Маллеус. Монсеньор, это всего лишь беглый монах. Обратитесь к городской страже.

Епископ (*в отчаянии*). Маллеус, я умоляю тебя. Я заплачу двойную цену.

Маллеус (*твёрдо*). Монсеньор, тут что-то нечисто. Вы что-то скрываете. Если вы хотите, чтоб я взялся за ваше дело, вы должны мне рассказать всё.

Пауза.

Епископ (*решившись*). Хорошо. Но это должно остаться между нами. Он убил человека. Брата ключника.

Маллеус. Это меняет дело. Но как такое могло произойти? Они были врагами? Они поссорились?

Епископ. Нет.

Маллеус (*с иронией*). Вот как? Значит он, просто так, средь бела дня, на глазах у всех, подошел к ключнику и...

Епископ (*прерывает*). Это было не просто так. Это было ночью. И этого никто не видел.

Маллеус. Но откуда вы знаете, что убийца — он?

Епископ (*нехотя*). Есть другие обстоятельства.

Маллеус. Как было совершено убийство?

Епископ. Брат Амос проломил ключнику голову бронзовым подсвечником.

Маллеус. Монсеньор, вы строите силлогизм, не имея достаточного количества предпосылок. Убийство ключника и бегство вашего секретаря

могут быть и не связаны между собой.

Епископ. Они связаны. Есть и другие обстоятельства.

Маллеус. Какие же?

Епископ. Это важно? Я прошу тебя просто найти брата Амоса.

Маллеус. Чтоб поймать человека, нужно сначала понять его. Нужно знать, какие силы двигали им в тот момент, когда он совершал то или иное деяние. Брат Амос, убивающий ключника просто так, из любви к насилию, и делающий то же самое по какой-нибудь неведомой нам, но важной для него причине — это два разных человека. Боюсь, что вам придется

дать мне больше сведений. Вы можете рассчитывать на мое молчание.

Епископ. У него была важная причина. Ключник застал его на месте преступления.

Маллеус. Значит, было ещё одно преступление?

Епископ. Да. Он пытался совершить кражу, да что говорить — он её совершил.

Маллеус. Я всегда говорил — стоит копнуть землю чуть поглубже, и оттуда ползут омерзительные чудовища. Убийство и воровство! Люди никогда не перестанут меня удивлять. Однако он не выглядел сребролюбцем.

Епископ. То, что он похитил, никак не связано с золотом или другими ценностями. Вещь, им украденная, не имеет ничего общего с общепринятыми атрибутами богатства, но для меня — и для него, судя по всему, — эта вещь бесценна.

Маллеус. Вы говорите загадками.

Епископ. Есть вещи, о которых лучше не знать, Маллеус. Даже тебе. Познание умножает скорбь.

Пауза

Маллеус. Хорошо. Будь по-вашему. В конце концов — чем больше преград, тем больше славы преодолевшему. Но вы могли бы в общих чертах рассказать мне о произошедшем.

Пауза

Епископ. В левом крыле здания есть коридор, который заканчивается тупиком с еле приметной дверью. Ключ от двери я ношу —

вернее, носил на шее и никогда не снимал. Дверь ведет в небольшую комнату, где хранится старая церковная утварь. На стене висит гобелен, точное подобие гобелена в одном нормандском городе. Под гобеленом, на высоте половины человеческого роста от пола нужно особым образом повернуть выступающий гвоздь, тогда раскроется маленькая дверца, открывающая тайник, где хранилась похищенная вещь. Вчера вечером брат Амос принес мне в спальню графин воды, как он всегда делал. Выпив воду, я заснул, как убитый, хоть обычно и не могу похвастаться крепким сном. Утром я обнаружил, что ключа на шее — нет, зато есть брат ключник, с разбитой головой лежащий у раскрытой двери.

М а л л е у с. Несомненно, что в вашу воду было подмешано какое-то одурманивающее снадобье.

Е п и с к о п. Я это и сам понял. Когда ключника нашли, он был еще жив. Перед смертью он ненадолго пришел в сознание и назвал своего убийцу. Но к тому времени брат Амос уже успел сбежать.

М а л л е у с. Что ж, можно предположить, что сначала он не собирался сразу бежать. И уж тем более убивать. Он мог украсть эту вещь и повесить ключ вам обратно на шею, пока вы спали. Но появление ключника разрушило его планы.

Е п и с к о п. Почему ты так думаешь?

М а л л е у с. Я не думаю, я предполагаю. Скажите, вы часто заглядывали в тайник?

Е п и с к о п. Я заглядывал в тайник только один раз. Когда клал туда эту вещь.

М а л л е у с. Кто-нибудь знал о том, что хранится в тайнике?

Е п и с к о п. Сейчас я уже ни в чем не уверен. У стен есть уши. Чем больше стен, тем больше ушей. Здесь стен много.

М а л л е у с. Как к вам попала эта вещь?

Е п и с к о п. Во время одного из прошлых перемирий я был на восточной границе, где совершался обмен пленными. Несколько знатных арабов были обменены на христиан, томившихся в неволе. Среди освобождённых был один человек, больной, никто не знал его имени, он был так слаб, что его пришлось нести на носилках. Бедняга жутко бредил, а когда его принесли в лагерь — скончался. Осматривая тело, я обнаружил эту вещь, зашитую у него в поясе. Кто он был, и как это к нему попало — для меня непостижимо. Люди, на тот момент окружавшие меня, не могли осознать ценность этой вещи, и я счёл за благо не предавать гласности моё открытие.

Когда я вернулся обратно, я спрятал находку в тайник, оставшийся после моего предшественника. Несколько раз я порывался написать в Рим и сообщить об этом, но какой-то смутный страх меня останавливал. А теперь прошло слишком много времени, чтоб писать.

М а л л е у с. Когда это произошло?

Е п и с к о п. Около трёх лет назад.

М а л л е у с. А когда здесь появился брат Амос?

Е п и с к о п (немного смущённо). Вскоре после этих событий. Ты думаешь, что...

М а л л е у с (прерывает). Это только гипотеза, монсеньор. Но обратите внимание на странное совпадение — у вас появилась эта вещь, и тут же появился брат Амос; вещь исчезла — и брат Амос исчез вместе с ней. Мне кажется, что его с этой вещью связывают более крепкие узы, чем вас. Что вы можете рассказать о нем?

Е п и с к о п. Маллеус, церковь принимает в свое лоно страждущих, не спрашивая, кто они; не делая меж ними различий, ибо так завещал Сын Человеческий. Я мало что могу о нем рассказать. Он всегда держался особняком, большую часть свободного времени проводил в библиотеке, где изучал древние языки, различные апокрифы, священные книги иудеев и писания ересиархов. Он говорил, что собирается писать ученый труд против ересей. Впрочем, обязанности свои как секретаря он выполнял безупречно.

М а л л е у с. Монсеньор, я ценю вашу откровенность, но будьте же откровенны до конца. Для вас важнее найти вещь или поймать человека?

Пауза

Е п и с к о п. Вещь. Если она попадёт не в те руки, последствия трудно предугадать.

М а л л е у с. Хорошо. Опишите мне хотя бы, как она выглядит, чтобы я по неведению не прошёл мимо.

Е п и с к о п. Это небольшая шкатулка из прочнейшей стали, не поддающаяся взлому. Её изготовил по моей просьбе один из местных мастеров, тогда, три года назад. Шкатулка имеет тайный замок, секрет которого знаю только я. Глупец, он все равно её никогда не откроет.

М а л л е у с. Не судите поспешно, монсеньор. Запертое человеком — человеком откроется. Что ж, думаю пора начинать. Я ухожу. Мне нужно

наведаться еще в одно место. (*Идет к двери, вдруг останавливается.*) Знаете, не сочтите за праздное любопытство, но все-таки, вы не могли бы хотя бы намекнуть, что лежит в этой шкатулке?

Пауза

Епископ. В шкатулке лежит небольшой листок ветхого пергамента с текстом на одном древнем языке.

Маллеус. И всё?

Епископ. И всё.

Маллеус кивает и уходит.

Второе действие

Комната в замке графа. Входят Графиня и Маллеус.

Графиня. Заходи, Маллеус. Ты видишь – в отсутствие мужа мне приходится самой заниматься делами.

Маллеус. Господин граф уехал?

Графиня. Да. Он поехал просить помощи. Получены сведения – на восточной границе неверные что-то замышляют. Если будет война – нам не справиться своими силами.

Маллеус. Здесь мир всегда был непрочен. Слишком долго эта земля принадлежала им.

Графиня. Землю наследуют сильные. Ты знаешь это не хуже меня. Пока нам это удаётся.

Маллеус. Сильные не просят помощи.

Графиня (*улыбается*). Сильные просят помощи у сильных. И я тоже прошу тебя о помощи. Почему ты не пришел сразу?

Маллеус. Прошу извинить меня, госпожа, но ваш гонец явился вторым. Поэтому я сперва пошел к епископу.

Графиня. Я уже знаю. В этом городе слухи распространяются, как чесотка. Хорошие времена наступают. Монахи начали истреблять монахов. Представляю, как весело сейчас в аду.

Маллеус. Епископ будет очень расстроен. Он думает сохранить всё это в тайне.

Графиня. Он нанял тебя найти убийцу?

Маллеус. Да.

Графиня. Я с удовольствием порасспрашивала бы тебя об этом деле. Я ведь женщина, а все женщины любят сплетни, особенно кровавые. Но ты ведь все равно ничего не скажешь.

Маллеус. Вы совершенно правы, госпожа. При всём уважении – я буду нем, как рыба.

Графиня. Я слышала, что некоторые рыбы могут издавать различные звуки. Даже кричать.

Маллеус. (*задумчиво*). Когда у них обожжены жабры.

Графиня. Что ты сказал?

Маллеус. (*задумчиво*). Когда вода отступает, рыбы остаются на высохшем дне, и солнце обжигает им жабры. Это больно.

Графиня. (*неожиданно мягко*). Что с тобой, Маллеус?

Маллеус. Ничего. Так, кое-что вспомнил.

Пауза

Графиня. Ты знаешь, зачем я тебя позвала?

Маллеус. Догадываюсь. Вчерашний турнир...

Графиня. Да. В последнее время творятся ужасные и непостижимые вещи. Зло сошло на нашу землю, Маллеус. Плохо, когда монах убивает монаха, а воин – воина. Это – дурной знак.

Маллеус. (*криво улыбается*). Вся моя жизнь – дурной знак.

Графиня. Не только твоя. (*Пауза.*) Тебя ведь не было на турнире.

Маллеус. Я не хожу на турниры. Мне не доставляет удовольствия смотреть, как благородные люди занимаются на потеху черни тем, чем в Риме занимались специально обученные рабы.

Графиня (*улыбается*). Наверное, они плохо знают историю. Или им это просто нравится. Мне вот тоже нравится. Ту так мало развлечений. Тем более что это был не совсем обычный турнир.

Маллеус. Особенно его конец.

Графиня. В конце должен был состояться отдельный поединок. Острым оружием. До смерти.

Маллеус. Смерть была. Но она пришла с неожиданной стороны.

Г р а ф и н я. Одним из воинов был Аденальф из Трира. Ты знал его?

Во время последующего диалога занимаются какими-нибудь посторонними делами.

М а л л е у с. Я знал, кто он. Его знали все. Во всей Святой земле не было человека, с большим достоинством носившего золотые шпоры. Воин, всю жизнь прошедший в битвах и поседевший под звон мечей. Лев и голубь были на его щите. Он был грозен с врагами и кроток с друзьями.

Г р а ф и н я. Его противником был Фарах аль Закр, прозванный Меч Пророка – воин, равный ему по славе и доблести. Он долго искал случая встретиться с Аденальфом в поединке, и отправил ему окровавленное копье с привязанным к нему посланием, в котором в изысканных выражениях предлагал сойтись в смертельном единоборстве.

М а л л е у с. И Аденальф, доселе непобедимый в битве, принял вызов мусульманина, хоть тот годился ему в сыновья. Иначе он не мог поступить.

Г р а ф и н я. Они начали биться на исходе утра, в тот страшный час, когда тени уменьшаются, и полуденный бес правит миром. Казалось, силы соперников равны, ловкость одного уравновешивала опыт другого. Они сражались пешими, и по истечении часа поединка Аденальф начал уставать. Это было заметно. Герольд, движимый сочувствием к старому прославленному воину, хотел объявить перерыв в схватке, но Аденальф гневным движением руки его остановил. И вот, когда волнение зрителей достигло предела, над ристалищем стремительно пролетела стрела, которая вошла в тонкую щель между шлемом и панцирем Аденальфа, и старый рыцарь замертво рухнул на горячий песок. В тот же миг другой человек, отбросив в сторону уже ненужный лук, спрыгнул со среднего яруса галереи и на глазах ошеломленных стражников исчез в лабиринте узких улиц.

М а л л е у с. Как и следовало ожидать, убийце удалось скрыться.

Г р а ф и н я. Погоня, посланная с большим опозданием, не дала никаких результатов. Он как сквозь землю провалился. Но не меньше сотни свидетелей могут подтвердить, что это был Линкс, оруженосец Аденальфа.

М а л л е у с. *(криво улыбается)*. Бывший оруженосец. Я думаю, ему теперь будет трудно найти нового господина.

Г р а ф и н я. Тебя это смешит?

М а л л е у с. *(очень серьезно)*. Нет. Напротив. *(Пауза.)* Всё это –

абсолютно бессмысленно.

Г р а ф и н я. Да.

М а л л е у с. На первый взгляд.

Г р а ф и н я. Что ты хочешь этим сказать?

М а л л е у с. Не знаю. *(Задумчиво.)* Но за внешней бессмыслицей произошедших событий я смутно ощущаю какую-то связь, которая еще не возникла, но скоро... *(Замолкает, подходит к окну.)* Сегодня нет солнца.

Г р а ф и н я. Это важно?

М а л л е у с. *(задумчиво, как бы в трансе)*. Вряд ли. Но могло бы ли... Нет. Не то. Всё – не то. Про меня говорят, что я обладаю особым даром, чувством – видеть события, скрытые во тьме расстояний и времени.

Г р а ф и н я *(быстро)*. Это правда?

М а л л е у с. Отчасти. Но я вижу лишь ничтожные события.

Г р а ф и н я. Какие же?

М а л л е у с. Я вижу, как на юге, у большого соленого озера, с потолка пещеры упала капля известковой воды.

Г р а ф и н я. Что это может означать?

М а л л е у с. Не знаю. Я могу лишь видеть, толкование мне не доступно. А может – и нет толкования.

Г р а ф и н я *(улыбается)*. Это может означать дождь.

М а л л е у с. *(улыбается)*. Может. Дождь – вполне возможно. Но скорее всего – это просто капля, упавшая с потолка.

Пауза

Г р а ф и н я. Маллеус, все-таки, что ты можешь сказать о произошедшем?

М а л л е у с. *(страхнув оцепенение)*. Что я могу сказать? Я могу сказать, что те два объяснения, которыми можно всё это просто объяснить – никуда не годятся.

Г р а ф и н я. Что ж это за объяснения?

М а л л е у с. Первое, что могло бы прийти на ум людям в их низости – это убийство из корысти, что Линкса нанял аль Закр, чтоб покончить с Аденальфом наверняка.

Г р а ф и н я. Многие так и считают.

М а л л е у с. Я даже не хочу об этом думать. Это, конечно, самая простая, но и самая смехотворная из версий. Есть и другое объяснение,

немного менее смехотворное — Линкс мог промахнуться.

Г р а ф и н я. Промахнуться?

Маллеус. Да. Видя, что силы Аденальфа на исходе и желая его спасти, Линкс мог решить убить его противника. Но я слышал о Линксе и знаю, что он — превосходный стрелок. К тому же он понимал, что, убивая мусульманина в такой ситуации, он навлекал бесчестие на своего господина. Он не мог промахнуться. Он попал именно туда, куда целился. Но — с другой стороны... *(Умолкает.)*

Г р а ф и н я. Что?

М а л л е у с. Есть еще одна сторона — третья.

Г р а ф и н я. Какая?

М а л л е у с. Я предпочел бы об этом умолчать.

Г р а ф и н я. Как хочешь. И что будет дальше?

М а л л е у с. Он ведь теперь вне закона?

Г р а ф и н я. Да. За его голову объявлена награда.

М а л л е у с. Независимо от того, почему он это сделал?

Г р а ф и н я. Не понимаю. О чем ты?

М а л л е у с. Ни о чем. *(Задумчиво-отстраненно.)* У него теперь только один выход — бежать из всех сил, спасая свое существование, которое теперь даже для него не стоит и порванной тетивы того лука, найденного на галерее, бежать и остаток дней своих прятаться, стать подобием червя, слепым подземным жителем, роющим осыпающиеся ходы в песчаной почве, которые неминуемо рухнут и погребут его.

Г р а ф и н я *(резким, почти повелительным тоном)*. Куда же он побежит?

М а л л е у с. *(задумчиво)*. На восток, в земли неверных. Все дороги ведут на восток, и все убийцы бегут на восток. Наверняка, там он встретит еще кого-нибудь. Убийцы притягивают друг друга. Один из них может основать город, а где их двое — там с ними пребудет Господь.

Г р а ф и н я *(резко)*. Хватит кощунствовать. Ты найдешь Линкса?

М а л л е у с. Нет.

Пауза.

Г р а ф и н я *(с затаенным гневом)*. Что ты сказал?

М а л л е у с. Вы меня прекрасно слышали, госпожа. Я сказал — нет.

Г р а ф и н я *(более гневно)*. Почему?!

М а л л е у с. Я не хочу.

Г р а ф и н я *(гневно и надменно)*. Ты забываешься! Твои желания никого не интересуют. Ты, наверное, запомнил, кто здесь приказывает.

М а л л е у с. *(с горечью)*. Напротив, я прекрасно помню.

Г р а ф и н я *(примирительно)*. Маллеус, ты сотни раз ловил для нас преступников, всё было хорошо, все были довольны, что случилось на этот раз?!

М а л л е у с. Не думаю, что вы меня поймете.

Г р а ф и н я. Я приказываю тебе!

М а л л е у с. Вы не сможете меня заставить.

Г р а ф и н я. Я сейчас позову стражу!

М а л л е у с. Вы сами знаете, что это ни к чему не приведет.

Графиня вне себя от ярости бросается к Маллеусу и бьет его по щеке. Маллеус спокойно смотрит на нее, улыбаясь легкой пренебрежительной улыбкой. Под его взглядом Графиня сникает, отходит в сторону и закрывает лицо руками. Пауза.

М а л л е у с. Хорошо. Можете считать, что у вас получилось меня уговорить. Я сделаю это, но сделаю это не для вас, а для себя, или скорее — для него. Я уйду. *(Поворачивается, делает шаг, останавливается.)* Да! И не ждите, что я принесу его голову. Ненавижу таскать с собой протухшие человеческие останки. Вам придется поверить мне на слово. *(Идет к двери.)*

Г р а ф и н я *(дрогнувшим голосом)*. Маллеус!

Маллеус останавливается.

Г р а ф и н я *(очень нежно и печально)*. Маллеус, милый, неужели ты вот так уйдешь? И не поцелуешь меня?

М а л л е у с. *(мягко, но непреклонно)*. Как-нибудь в другой раз, Беата. В другой раз.

Уходит.

Третье действие

Пустыня. Свист ветра. Входит брат Амос. Садится на переднем плане, достает из складок одежды (из сумки и т.д.) какой-то предмет и начинает его разглядывать. Слышны шаги. Брат Амос резко встает и идет в сторону. Входит Линкс.

Л и н к с. Святой отец!

Брат Амос останавливается спиной к Л и н к с у.

Святой отец, подождите!

Б р а т А м о с. Я тороплюсь, сын мой.

Л и н к с. Но я видел – вы только что присели.

Б р а т А м о с. Я достаточно отдохнул. *(Идет.)*

Л и н к с *(с отчаянием)*. Святой отец, я прошу вас! Мне нужно отпущение. Я согрешил.

Б р а т А м о с *(останавливается, не поворачиваясь)*. Сын мой, почему бы тебе не пойти в город? Там много священников, и каждый из них с радостью даст тебе отпущение.

Л и н к с. Мне нельзя туда. Если я пойду в город, меня схватят, бросят в тюрьму, а потом казнят.

Б р а т А м о с. Тебе не повезло, сын мой. Я спешу. *(Идет.)*

Л и н к с *(с оттенком угрозы)*. Святой отец, неужели вы не можете немного повременить?

Линкс быстро подходит к брату Амосу и кладет ему руку на плечо. Брат Амос резко поворачивается. В его руке нож, который он упирает в грудь Линкса.

Л и н к с. Я безоружен.

Б р а т А м о с *(разглядывает Линкса)*. Я вижу. Почему ж ты не взял с собой оружие?

Л и н к с. Я не успел. Слишком поспешным было мое бегство. Вы делаете мне больно.

Б р а т А м о с. Я знаю. На колени, сын мой.

Л и н к с. Если вы решили меня убить, я даже не буду сопротивляться. Моя жизнь ничего не значит. Но вы бы могли хотя бы не унижать меня.

Б р а т А м о с. На колени, глупец! Я дам тебе отпущение.

Линкс в растерянности.

Ну, что ж ты ждешь? Разве ты не знаешь, что стоящий человек может пасть, а коленопреклоненный – встать и возвыситься.

Линкс становится на колени.

Какой грех ты совершил, сын мой?

Л и н к с *(тяжело)*. Убийство.

Б р а т А м о с *(с горькой иронией)*. Отличный выбор, сын мой. *(кладет руку на голову Линксу)* Властью, данной мне самим Вседержителем, отпускаю тебе грех твой. Господь, который милостив и всеблаг, прощает тебя, как и других злодеев. Да пребудешь ты в мире вместе с братьями твоими Каином и Ламехом. Да отмстится за Каина всемеро, за Ламеха в семь раз семеро, и в семьдесят раз семеро – за тебя, Линкс. *(Убирает руку.)*

Л и н к с *(вскакивает)*. Вы меня знаете?

Б р а т А м о с. Со вчерашнего дня в окрестностях города каждая собака лает твоим именем. *(С кривой усмешкой.)* И моим, наверное, тоже.

Л и н к с. Подождите! Я вас узнал. Вы – брат Амос. Беглый монах. Убийца. *(Отступает.)*

Б р а т А м о с *(холодно, с горечью)*. Да, сын мой. Тебя это смущает? Может, теперь ты хочешь поискать другого священника? Праведного? Добродетельного? Вспомни, как мгновение назад ты молил меня об отпущении, а теперь ты смотришь на меня со злобой и негодованием, совсем забыв, что ты ничуть не лучше меня, и что для глаз Бога мы сейчас, может быть, слились в одного человека.

Л и н к с *(опустив голову)*. Вы правы. Простите меня. Я не хотел вас обидеть, брат Амос. Но скажите мне – это отпущение...

Б р а т А м о с *(прерывает, с усмешкой)*. Если тебя это действительно сейчас волнует, то я могу уверить, что мое отпущение столь же добротное, как если бы тебе его дал апостол Петр.

Линкс улыбается. Напряжение спадает.

Л и н к с. Знаете, для монаха вы неплохо обращаетесь с ножом. Откуда он у вас?

Б р а т А м о с. Я не всегда носил эту одежду, Линкс. А нож я взял на кухне епископа.

Л и н к с (*с оттенком обиды*). Что ж это получается – вы грозили мне (*с презрением*) кухонным ножом?

Б р а т А м о с (*улыбается*). Не обижайся. Это хороший нож. Очень острый. Им резали мясо. Я бы тебя проткнул насквозь. (*Прячет нож.*)

Пауза.

Л и н к с. Брат Амос, скажите, Господь действительно прощает убийц?

Пауза.

Б р а т А м о с. Когда-то я читал труд одного ересиарха, жившего давным-давно, так давно, что даже не осталось воспоминания о его имени. Он писал, что совершающий убийство ради правого дела, или хотя бы веруя в свою правоту – не ведает греха.

Л и н к с. Это правда?

Б р а т А м о с. Не знаю. Мне кажется, что Бога такие мелкие дела не занимают. Представь себе муравья, ползущего по лесной тропинке, с тяжелым грузом на спине – муравьи ведь так трудолюбивы – и вот он видит на своем пути упавшую ветку, для него непреодолимую преграду. Но тут проходишь ты и случайно отодвигаешь ветку в сторону, тем самым делая для муравья величайшее благо – и богом станешь ты в его глазах. А в другой раз, проходя по той же тропинке, ты случайно – ведь люди так неуклюжи – наступишь на муравейник и причинишь ему великое зло – и муравей будет думать, что ты покарал его за какой-то ничтожный муравьиный грешок и взмолится он к тебе. Услышишь ли ты его тогда?

Л и н к с. Вы всегда ведете подобные разговоры с первым встречным?

Б р а т А м о с. Я думаю – тебе можно доверять. К тому же, ты не первый встречный. Мы связаны с тобой, я это чувствую. Разве это не знак небес, когда два человека, объединенные общим преступлением, встречаются посреди пустыни? Кстати, а куда ты идешь?

Л и н к с. Я конченный человек, жизнь моя ничего не стоит, но я не хочу сидеть и ждать, пока меня схватят. Я думал, если повезет – добраться до восточной границы и там перейти к арабам. Здесь нет ничего, что меня бы держало.

Б р а т А м о с. Тебе повезло. Нам по пути. Я тоже иду в ту сторону, но с другой целью.

Л и н к с. Что ж это за цель?

Б р а т А м о с (*странно смотрит на Линкса, вкрадчиво*). Я тебе расскажу, Линкс. Обязательно расскажу, но позже. Подожди немного. (*Нормальным голосом.*) Скажи, ты ведь, наверное, устал? Не так ли? И не прочь съесть что-нибудь?

Линкс (*улыбается*). А вы, брат Амос?

Б р а т А м о с. Длительные блуждания по пустыне не способствуют приливу сил. Вот, что я тебе скажу. На кухне епископа, коей я обязан моим прекрасным ножом, мне удалось стащить кусок хлеба – небольшой, конечно, но на двоих хватит, а у тебя я вижу некую емкость, в которой что-то явственно плещется. Это вода?

Л и н к с. Увы.

Б р а т А м о с. Жаль, жаль. Так вот – почему бы нам не объединить усилия и не сделать привал, как и подобает усталым путникам?

Л и н к с. Вы не боитесь погони, брат Амос?

Б р а т А м о с (*очень серьезно и грустно*). Боюсь, очень боюсь, Линкс. Но, понимаешь, я смертельно устал. Мне кажется, что я умру, если немного не отдохну.

Л и н к с (*ободряюще, с сочувствием*). Ну, будь по-вашему.

Садятся. Брат Амос достает хлеб, Линкс – флягу. Брат Амос ломает хлеб и дает половину Линксу.

Б р а т А м о с. Вот мы и преломили с тобой хлеб, Линкс. Это лучше, чем резать его. В этом есть что-то древнее, что-то от обряда, ритуала. Это не просто раздел пищи, но нечто большее.

Едят, пьют.

Л и н к с. Как вы думаете, нам удастся бежать?

Б р а т А м о с. Пока нам это удастся, и, в любом случае, нужно продолжать дальше. Хотя, если наняли Маллеуса – нам конец. От него никто не уходил. Я знаю его – он иногда приходит к епископу поговорить – епископ славен широкими взглядами и странными знакомыми. Маллеус, по прозвищу “Прозрачный – страшный человек”. Человек с тысячью лиц, человек, умеющий проходить сквозь стены, знающий все языки и науки,

способный достигнуть любого положения, но по необъяснимой прихоти занимающийся столь презренным ремеслом.

Л и н к с. Я слышал, что Маллеус раньше никогда не брался за два дела сразу.

Б р а т А м о с. Все мы раньше много чего не делали. Ты ведь, наверное, раньше тоже по-другому упражнялся в стрельбе?

Л и н к с (*резко, с вызовом*). Вы не знаете, почему я это сделал.

Б р а т А м о с. Не знаю. Но подозреваю, что у тебя были на то важные причины. Не думаю, что ты просто хотел посмотреть, как будет выглядеть Аденальф со стрелой в горле.

Л и н к с (*гневно*). Брат Амос!

Б р а т А м о с (*примирительно*). Ну, ну, перестань. У меня есть глупая привычка – шутить не к месту, никак не могу от неё избавиться. Не сердись, слова мои – просто слова и ничего не значат. Мы не должны ссориться. Если мы поссоримся, рухнет тот шаткий мир, в котором существуем сейчас мы оба, хмурое небо, пустыня и эта скудная пища, которую мы вкушали – всё это падёт. Когда ты злишься, ты похож на зверя, подарившего тебе имя.

Л и н к с (*остывая*). Какого зверя?

Б р а т А м о с. Рысь. Твое имя значит “рысь” – большая дикая кошка с острыми зубами, на языке народа, чьи легионы покорили полмира, но бесследно растворились в дремучих лесах, откуда позже вышли предки Аденальфа, и сокрушили выродившихся завоевателей, подобно тому, как рысь перегрызает горло медведю, обессилевшему после зимней спячки.

Пауза.

Л и н к с (*задумчиво*). Я почти забыл, как меня зовут по-настоящему. Линкс – такое прозвище дал мне Аденальф, когда подобрал меня – безродного мальчишку, живущего в пыли улиц. Это было много лет назад, и с тех пор мы не разлучались. Я был ему предан настолько, насколько один человек может быть предан другому. Он научил меня искусству, которым владел в совершенстве – искусству войны, лучшему из искусств, как считал он, ибо бог подарил миру радость битв, чтобы благородным людям было чем заняться – так он говорил мне. Я был вместе с ним каждый миг, и тень его славы ложилась на меня. Я чистил его оружие, ставил его палатку и разводил его костер, носил перед ним щит во время сражения – не было того, чего бы я не

сделал для Аденальфа, ибо он казался мне телесным воплощением бога войны – великолепным, страшным и притягивающим одновременно. Мы видели падение крепостей, разрушение городов, истребление целых народов, мы проходили сквозь огонь как саламандры – огонь не обжигал нас, стрелы, изнемогая, падали перед нашими торсами, полчища врагов в ужасе бросались прочь, завидев знамя со львом и голубем. Но лик божества потускнел. То, что туманит все зеркала, то, что делает из клинка ржавое посмешище, то, что превращает дорогие и прекрасные ткани в груды пыльных лоскутов – завоеватель время со злобной усмешкой бросило тяжелый меч на чашу весов его жизни. Чаша опустилась. В тот день, когда я стоял на среднем ярусе галереи, я увидел, как на исходе первого часа поединка Аденальф на миг поднял глаза и посмотрел. Нет-нет, не на меня и не сквозь меня даже – он смотрел в никуда, и увидел там что-то, что вошло в него и его преполнило. Не знаю, что это было; никто, кроме меня, этого не заметил; никто, кроме меня, не знал его так; но на моих глазах Аденальф превратился в испуганного старика с неподъемным мечом в руке, и лишь в глубине его взгляда, где еще оставались капли его прежнего естества, билась, кричала и плакала единственная просьба. Я выполнил это просьбу.

Пауза.

Б р а т А м о с. Ты убил его, чтоб его не убил аль Закр?

Л и н к с (*качая головой*). Аль Закр не стал бы убивать испуганного старика, а жизнь для него была бы горшей мукой. Я сделал это, потому что еще миг – и все бы всё поняли. Я сделал это, чтоб его запомнили как непобедимого героя, коварно убитого рукой предателя. А убежал я потому, что меня бросили бы в тюрьму и там пытали, и я рассказал бы правду, ибо я не приучен лгать.

Брат Амос молчит, берет флягу, рассматривает её.

Л и н к с. Вы ничего мне не скажете?

Б р а т А м о с (*задумчиво*). Что я могу сказать? Твой грех не в убийстве. Твой грех другой – странный, извращенный грех гордыни самоуничижения, который сродни греху поцеловавшего Спасителя, дабы тот принял предначертанные муки и страданиями своими искупил грехи человечества. Есть притча о двух людях, бредущих по пустыне. Совсем как

мы, правда? У одного из них фляга, в которой воды ровно столько, чтоб один человек мог дойти до места, где есть источник. Если же оба будут пить воду, то её не хватит, и они оба погибнут.

Л и н к с. И что же им делать?

Б р а т А м о с. Есть три варианта: поделиться с товарищем водой и погибнуть вместе с ним; отдать ему флягу и погибнуть самому; или — оставить флягу себе. Одно из решений правильное.

Л и н к с. Какое?

Б р а т А м о с. Ты будешь удивлен, но это третье решение. Сказано в писании — возлюби ближнего, как самого себя. Как самого себя, понимаешь? Но не больше, чем самого себя. Что сверх того — уже грех.

Л и н к с. Второй человек может отобрать флягу.

Б р а т А м о с *(устало)*. А вот флягу отбирать нельзя. Это будет совсем другой грех, ещё более тяжкий.

Л и н к с. Я поделился с вами водой.

Б р а т А м о с. Я благодарен тебе за это. Ты благородный человек, Линкс, и добрый. Слишком добрый. И совершенно неискушенный в богословской софистике. Когда ты делился со мной водой, ты не знал этой притчи. Иногда незнание бывает спасительно.

Л и н к с *(обиженно)*. Я бы все равно поделился.

Б р а т А м о с *(улыбается)*. Я не сомневаюсь. Как бы то ни было, фляга уже пуста. Не горюй — скоро мы найдем воду. И пустыня когда-нибудь кончится. Но зачастую люди пересекают пустыню, чтоб найти ещё одну пустыню.

Пауза.

Л и н к с. Брат Амос, а почему вы убили?

Б р а т А м о с. По чистой случайности. Брат ключник застал меня, когда я лазил в тайник епископа. Он как раз собирался открыть рот, когда я схватил подсвечник и разбил его бедную старую голову. У меня не было выбора. Но я свято верю, что все события на земле — предначертаны и связаны друг с другом. Бессонница ключника, его непреодолимое желание наведаться в комнату в левом крыле были ни что иное, как жажда смерти, и провидению было угодно, чтоб именно я оборвал нить его существования. А кто я такой, чтоб спорить с провидением? Моя совесть чиста. Насколько, конечно, она может быть чиста у убийцы.

Л и н к с. А зачем вы лазили в тайник?

Б р а т А м о с. Ты действительно хочешь это знать?

Л и н к с. Я думаю, что — да.

Брат Амос достает предмет, который рассматривал в начале сцены. Линкс протягивает руку, но брат Амос останавливает его свободной рукой.

Б р а т А м о с. Это стоит многих злодеяний.

Л и н к с. Что это, брат Амос?

Б р а т А м о с. Ты когда-нибудь слышал о четвертой реке?

Л и н к с. О четвертой реке?

Б р а т А м о с. Когда Господь сотворил первую человеческую пару, сразу же возникла проблема — где их разместить. Для этих целей был создан Эдем — рай земной, из которого вытекала река, в свою очередь делившаяся на четыре других. Гихон омывает землю Хавила, где золото, бдолах и камень оникс; Фисон течет в земле Куш; Хиддекель — перед Ассирией; четвертая река — Евфрат. Позже люди понаделали глупостей, за что были изгнаны, а у врат Эдема поставлен ангел с огненным мечом. Но речь сейчас не об этом. Есть люди — и я в их числе — которые считают что Эдем по-прежнему находится на земле, и путь туда указывает четвертая река. А в любое место, находящееся на земле, человек может проникнуть.

Л и н к с *(он удивлен, но говорит серьезно и задумчиво)*. Отсюда до Евфрата несколько дней пути. Брат Амос, вы извините меня, но...

Б р а т А м о с *(прерывает, говорит гневно и страстно)*. Что? Доказательства? Разве Святое писание само по себе не доказательство? Разве человек, обладающий глазами, разумом и верой не может понять этого сам? Разве не стоит четвертая река последней, разве не сказано про неё вскользь, мимоходом, чтоб скрыть истинное знание, опасное для толпы. Потерянная вещь всегда находится в самом дальнем месте; ищи кольцо в последнем ларце — так говорил древний мудрец, и он был прав, тысячу раз прав. А остальные реки лишь прикрывают четвертую, как перед боем строй лучников стоит перед конницей.

Л и н к с *(утвердительно)*. Вы в это верите.

Б р а т А м о с *(устало)*. Да, Линкс. Потому что иначе не может быть. Потому что иное всё не имеет смысла. Потому что иначе мир был бы просто куском мертвого камня, на котором живут истязающие друг друга неразумные твари.

Л и н к с. Если Эдем находится на земле, почему его никто не видел?

Б р а т А м о с. Потому что он скрыт от глаз человеческих. Потому что нужно знать слова, отворяющие его.

Л и н к с. Вы их знаете?

Б р а т А м о с (*показывая на предмет*). Здесь, внутри этой шкатулки лежит листок пергамента, на котором начертана подробная карта пути в Эдем; слова, которые нужно произнести в определенном месте, чтоб Эдем снизошел в видимое, и, самое главное – что сказать стражу, чтобы он не был преградой.

Л и н к с. Но откуда взялся этот пергамент?

Б р а т А м о с (*очень серьезно*). Это тайна, Линкс, великая тайна. Этого я тебе сказать не могу. Скажу только – есть люди, которые долгие века берегли этот пергамент с письменами, начертанными тем, о ком лучше не говорить; люди, передававшие его из поколения в поколение; люди, всё это время терпеливо ждавшие часа, когда...

Л и н к с (*перебивает*). Брат Амос! (*Очень взволнованно*.) Я... я совсем забыл!.. Я слышал раньше о четвертой реке!

Б р а т А м о с. Ты?

Л и н к с. Да! Несколько лет назад! Это связано с исчезнувшим отрядом.

Б р а т А м о с (*очень взволнованно*). Что ты сказал?! Исчезнувший отряд?!

Л и н к с. Да! Отряд, который приплыл на корабле без флага! Отряд, не несший впереди знамени! Отряд, который всегда держался в стороне, и которым командовал высокий худой человек с лицом воина и в одежде священника! Отряд, который ночью между двумя прибрежными городами покинул общий лагерь и бесследно исчез, уходя на северо-восток. Все долго спорили – кем могли быть эти люди, но со временем о них забыли – или думали, что забыли. Потом, три года назад, во время обмена пленными я опять увидел человека, который командовал исчезнувшим отрядом. Его принесли на носилках. Он был очень слаб, и, по-моему, безумен. В лагере он умер. Перед смертью он страшно бредил. Он говорил о палящем солнце, о песчаных бурях, о жажде, о распухших языках, о гибели товарищей; он говорил о долине человеческих костей, о знамениях и пророчествах, о следе Адама, и о четвертой реке. “Четвертая река” – повторил он несколько раз и скончался. Епископ осмотрел умершего и что-то вытащил у него из пояса. Я не стал никому говорить, что узнал этого человека.

Пауза.

Б р а т А м о с (*задумчиво и печально*). Высокий худой человек с лицом воина и в одежде священника, который так много видел, а умер такой жалкой смертью – был моим братом, Линкс. Несчастный! Он хотел завоевать рай, как будто это вражеский город. Он погиб сам, и вместе с ним люди, которые были солью земли. Ты правильно сделал, что никому ничего не рассказал. Епископ тоже правильно сделал, что спрятал пергамент. Он не должен был попасть в руки непосвященных. Хотя, чтоб получить его обратно, мне пришлось три года провести в монастыре, входя в доверие к епископу, а затем стать вором и убийцей. Но зато теперь я знаю точно, что След Адама – не выдумка.

Л и н к с. След Адама?

Б р а т А м о с. Ты сам только что сказал о нем. В монастыре я не терял времени. Там довольно обширная библиотека. В одной из книг по географии я обнаружил интересные сведения – на северо-востоке, откуда течет Евфрат, живут дикие племена кочевников, которым известно место, называемое Следом Адама – узкое ущелье странной формы, которое среди местных дикарей считается запретным местом, по причинам, о которых не сказано. Мой брат раньше этого не мог знать, но умирая, говорил о нем. А это уже многое значит.

Л и н к с. Брат Амос, а вы сами видели этот пергамент?

Б р а т А м о с. Нет. Я только примерно знаю, что там. Я еще не открывал шкатулку.

Л и н к с. Но почему?

Б р а т А м о с. Не знаю, Линкс. Мне почему-то хочется это сделать, когда я перейду границу, когда я буду в безопасности, понимаешь?

Л и н к с. Нет.

Б р а т А м о с. Ну, всё равно. Считай, что это моя причуда.

Пауза.

Л и н к с. Брат Амос, а почему вы не хотите, чтоб об этом узнали люди?

Б р а т А м о с (*страстно*). Люди?! А ты знаешь, что было бы, если б об этом узнали люди? Разве не опьянились бы они этой вестью и не

исполнились бы великим рвением? Разве не разнесли бы они эту весть по миру, и не вложили бы ее в уши живущих? Разве тогда все народы – нищие, богачи, короли, воины, торговцы, невинные младенцы, старые девы, фальшивомонетчики, скупщики краденого, влюбленные, заклятые враги – не позабыли бы о своих жалких страстях, таких никчемных теперь; разве не стали бы они одним существом, многоруким, тысяченогим, с одной головой на

всех, с одной мыслью в голове, с одним криком во рту? Разве не пришли бы они к истокам Евфрата и не крикнули бы: “Вот! Мы – Человек! Мы плодились и размножались; мы пахали землю; мы создали ремесла и искусства; мы жили достойно, или хоть пытались это делать – нам надоело!!! Мы хотим обратно!” Разве устоит перед ними одинокий ангел с потухшим мечом, брошенный часовой у забытого поста? Красноречивые убедят его словами, воинственные запугают, кроткие растрогают, болезненные разжалобят. И вернулся бы человек туда, откуда вышел, и стал бы равен и подобен Богу, и, может, против самого Бога измыслил бы мятеж – но нет всего этого, нет и не будет. К счастью. Потому что пергамент – в шкатулке; шкатулка – у меня в руке, А я стою посреди пустыни и никому ничего не скажу.

Л и н к с. Похоже, что вы не очень-то любите людей.

Б р а т А м о с. Да, Линкс. Я не очень-то люблю людей, но я к ним снисходителен. А вот они ко мне – нет. Да и к тебе – тоже.

Л и н к с. Брат Амос, а зачем вы туда идете?

Б р а т А м о с. Я очень устал. Я иду домой. (Пауза.) Мой брат... Он ошибался. Взять рай с оружием в руках – не в силах человеческих. Но я знаю – где не пройдет большая армия – там пройдет маленький отряд; где не пройдет маленький отряд – пройдет один человек. Или два. Скажи, Линкс, ты пошел бы со мной?

Л и н к с (ошеломленно). Мне – с вами?

Б р а т А м о с (смотрит на Линкса оценивающе). А почему бы и нет? У тебя нет выхода, Линкс. Люди отреклись от тебя. Теперь ты не один из них. Они не поймут всей красоты твоего поступка. Вернись ты к ним – и они убьют тебя, потому что теперь у тебя с ними не одна правда. Тебя ждет печальный удел изгнанника и беглеца. Я же предлагаю тебе новую жизнь, по-настоящему новую. Решай, Линкс. Иначе – мне придется убить тебя. Я слишком много тебя рассказал.

Л и н к с. Перестаньте, брат Амос. Я не настолько глуп, чтобы отказываться. Когда человек бежит, куда глаза глядят, и ему делают такое

предложение – он не спорит. Я пойду с вами.

Б р а т А м о с (облегченно). Я очень рад, Линкс. Такой попутчик, как ты – большая честь для меня. (Деловым тоном.) Теперь послушай – через день мы подойдем к границе. Там стоит крепость. Комендант крепости – посвященный и мой старый друг. Там мы отдохнем, запасемся водой и провизией и...

Л и н к с (прерывает). Брат Амос, когда вы последний раз видели коменданта?

Б р а т А м о с (немного растерян). Довольно давно, раньше мы обменивались письмами, а когда я был в монастыре, я не мог писать туда, чтоб не привлекать внимания, но почему это...

Л и н к с (прерывает). Брат Амос, комендант этой крепости полгода назад погиб в стычке с арабами. Мне очень жаль.

Пауза. Брат Амос в отчаянии закрывает лицо руками.

Б р а т А м о с. Боже... Но кто теперь там комендант?

Л и н к с. Насколько я знаю, нового коменданта туда так и не прислали. Его обязанности выполняет вдова покойного. Вы ее знаете?

Б р а т А м о с (печально-рассеян). Да... Клото... Клото и ее воспитанница – Анна-Валентина... Когда они ехали в крепость, на их небольшой отряд напали кочевники. В жестокой схватке врагов удалось отбросить, но последствия этой стычки для обеих женщин были поистине роковыми. Анна-Валентина была тогда совсем ребенком, и от пережитого ужаса она – как бы это сказать? – утратила какую-то часть рассудка – или, может быть, наоборот, приобрела что-то, что оказалось непосильной ношей для ее маленького мозга.

Л и н к с (немного раздраженно). Попросту говоря – она тронулась. А со второй что произошло?

Б р а т А м о с. Случайная стрела попала ей в голову. Рана оказалась не смертельной, но после этого Клото ослепла. Помимо этого у нее начались странные приступы, во время которых она теряет речь. В таких случаях она общается с миром через воспитанницу. Она создала свой особый язык, состоящий из прикосновений пальцами, который понимает только Анна-Валентина. Очень печальная история. Значит, крепостью сейчас управляют две женщины, одна из которых – слепа, а вторая – почти безумна. Как бы то ни было – деваться нам некуда. Пойдем, Линкс.

Л и н к с (ободряюще). Брат Амос, я вижу, вы расстроены. Утешьтесь,

ведь самое главное – пергамент – с вами.

Б р а т А м о с *(улыбается)*. Да. Спасибо, Линкс. Мне повезло, что я тебя встретил. Мы – хорошая пара. Такие люди, как ты, держат Землю. Такие, как я – приводят ее в движение.

Л и н к с *(улыбается)*. А кто же живет на Земле, брат Амос?

Б р а т А м о с. Ты разве не знаешь? Нищие духом, Линкс.

Линкс поворачивается, идет.

Постой, ты оставил свою флягу!

Л и н к с. Она пуста, брат Амос. Значит, больше не нужна.

Уходят. Сцена пуста. Свист ветра. Входит Маллеус. Осматривается, подбирает флягу, уходит.

Четвертое действие.

Пограничная крепость. Ночь. В полумраке сидят Клото и Анна-Валентина. Клото прядет, Анна-Валентина рассматривает книгу при свече.

К л о т о. Который час?

А н н а – В а л е н т и н а. Ты кого-то ждешь?

К л о т о. Того, кто скоро придет.

А н н а – В а л е н т и н а. А кто скоро придет?

К л о т о. Тот, кто идет подземным ходом. Я слышу шаги.

А н н а – В а л е н т и н а. Уже несколько дней нет времени. Песочные часы разбились, вода в клепсидре высохла, а гномон не отбрасывает тень. Небо изменило цвет, оно стало серым, там нет солнца, и мне страшно.

К л о т о. Анна-Валентина, несчастное дитя, ты никогда не видела грозных облаков. В этих местах дождь идет раз в десять лет.

А н н а – В а л е н т и н а. Да, Клото, я никогда не видела дождя, но знаю, что это. Это когда вода льется с неба. Еще я знаю, что это плохо.

К л о т о. Почему плохо?

А н н а – В а л е н т и н а. Я читала об этом в книге. Там есть история про человека, который очень любил зверей. Я тоже люблю зверей, особенно коров – они такие вкусные, но тот человек любил животных больше, чем я. Однажды он узнал, что скоро пойдет дождь. Тогда он решил

спасти животных, только животных, на людей ему было плевать, и он ничего им не сказал. Он построил большой корабль, спрятал всех животных от дождя и был очень рад. Потом пошел дождь. Все думали, что это просто дождь, а это был особенный дождь, самый сильный, и назывался он по особенному – потоп, от слова “тонуть”. И все утонули. А тот человек – спасся, и животные спаслись. Он плавал по воде, кормил животных и был счастлив. А потом он послал голубя... *(Резко захлопывает книгу.)* ...А к нам тоже прилетал голубь!

К л о т о. Да, Анна-Валентина.

А н н а – В а л е н т и н а. Он принес зеленую веточку?

К л о т о. Нет.

А н н а – В а л е н т и н а. Он принес щепотку земли?

К л о т о. Нет.

А н н а – В а л е н т и н а. А что он принес?

К л о т о. Он принес письмо. А ты мне его читала.

А н н а – В а л е н т и н а. Я умею читать, но не всегда понимаю написанное. Что там было сказано?

К л о т о. Дурные вести. Нам грозит опасность.

А н н а – В а л е н т и н а. Что такое опасность?

К л о т о. Это враги. Их много. Голубь прилетел слишком поздно.

А н н а – В а л е н т и н а. Почему?

К л о т о. Они уже здесь. Ты ходила вечером на башню?

А н н а – В а л е н т и н а. Да, Клото.

К л о т о. Что ты там видела?

А н н а – В а л е н т и н а. Огоньки. Вокруг крепости всюду огоньки.

К л о т о. Это неверные. Они пришли, чтобы штурмовать крепость.

А н н а – В а л е н т и н а. А мы что будем делать?

К л о т о. Граф должен прислать помощь.

А н н а – В а л е н т и н а. А если враги начнут штурм?

К л о т о. Воины будут сражаться.

А н н а – В а л е н т и н а. А мы?

К л о т о. Мы будем ждать.

А н н а – В а л е н т и н а. Чего ждать?

К л о т о. Исхода.

А н н а – В а л е н т и н а. Какого исхода?

К л о т о. Любого. Помощи графа или падения крепости.

А н н а – В а л е н т и н а. Если крепость падет, нас убьют?

К л о т о *(убежденно)*. Нет.

А н н а – В а л е н т и н а. Почему?

К л о т о. Потому что я слепа а ты – безумна. А закон неверных запрещает убивать увечных и безумцев.

А н н а – В а л е н т и н а. А я точно безумна?

К л о т о *(убежденно)*. Да.

А н н а – В а л е н т и н а *(улыбается)*. Это хорошо.

К л о т о. К тому же, мы всегда можем бежать подземным ходом.

А н н а – В а л е н т и н а. Где сейчас кто-то идет?

К л о т о. Да. Они уже близко.

А н н а – В а л е н т и н а. Они?

К л о т о. Теперь я различаю, что их двое.

А н н а – В а л е н т и н а. Они скоро придут?

К л о т о. Скоро.

Пауза.

А н н а – В а л е н т и н а. Клото, расскажи мне сказку.

К л о т о. Какую?

А н н а – В а л е н т и н а. Про гору и трех женщин.

К л о т о. Далеко за морем есть большая гора. Она вся покрыта снегом и там очень холодно. На горе живут три женщины. Каждая занята своим делом. У одной из них ящик. Ящик старый но очень крепкий, он никогда не поломается. Не глядя запускает она руку в ящик и вынимает не видя. А лежит в ящике удел человеческий. У второй есть свиток, бесконечный, как вечность, на котором она пишет то, что предначертано, и записанное уже никто не может изменить или исправить. Третья...

Тихо входит брат Амос, стоит, никем не замеченный и слушает.

Б р а т А м о с. Третья просто прядет. Но нитки у нее особые. Если ящик крепче любых камней, а свиток длиннее времени, то нитки ее коротки и ненадежны, и рвутся они постоянно, и приходится ей пряхть вновь и вновь, ибо те нитки – жизни человеческие.

А н н а – В а л е н т и н а. Ты знаешь эту сказку?

Б р а т А м о с. Я сам ее когда-то рассказывал.

А н н а – В а л е н т и н а. Ты ее напугал. Теперь она не сможет говорить.

К л о т о. Я не испугалась. Я слышала, как ты шел. Здравствуй. Не знаю, как теперь тебя называть.

Б р а т А м о с. Как хочешь, Клото. Здравствуй

К л о т о. Мой муж погиб.

Б р а т А м о с. Я знаю. Он был моим другом. Ты ждешь сочувствия?

К л о т о. Нет. То, что не видишь, терять легко. Он умер быстро. Совсем без мучений. Анна-Валентина говорила, что она никогда не видела такого счастливого мертвеца.

А н н а – В а л е н т и н а *(важно кивает)*. Да, это правда.

Б р а т А м о с. Ты по-прежнему прядешь.

К л о т о. Да, только я пряду шерсть и лен. Они крепче, чем человеческие жизни. Ты ждешь помощи?

Б р а т А м о с. Нет.

К л о т о. Я не могу тебе помочь. Ты видел, что творится под стенами?

Б р а т А м о с. Видел. Их не меньше двух тысяч. Похоже, что они скоро двинутся на приступ.

К л о т о. Но сейчас ночь.

Б р а т А м о с. Ночь – лучшее время для темных дел.

К л о т о. Если они начнут штурмовать прямо сейчас, то войску графа придется спасать лишь дымящиеся развалины.

Б р а т А м о с. Граф обещал помощь?

К л о т о. Да, он прислал письмо. Там было предупреждение об опасности, обещание помощи и сообщение о двух преступниках, которых надлежит задержать.

Пауза.

Б р а т А м о с. Но ты ведь не будешь этого делать?

К л о т о. Нет. А надо было б. Тот, второй человек – оруженосец?

Б р а т А м о с. Да. Я встретил его в пустыне.

К л о т о *(иронично)*. Что ж он не поднялся засвидетельствовать мне свое почтение?

Б р а т А м о с. Боюсь, что он застенчив. Он предпочел остаться внизу, со стражниками.

К л о т о. Зная его манеры, это можно только приветствовать.

Б р а т А м о с (*с легким возмущением*). Он – мой друг. И он пойдет со мной дальше.

К л о т о. Он поверил в твои сказки?

Б р а т А м о с (*резко и гневно*). Это не сказки!!

Пауза.

А н н а – В а л е н т и н а. Теперь она точно не сможет говорить.

Подходит к Клото и берет ее за руки. Клото чертит у нее на ладони.

А н н а – В а л е н т и н а. Она спрашивает, нашел ли ты то, что искал?

Б р а т А м о с. Да.

А н н а – В а л е н т и н а. Она спрашивает, счастлив ли ты теперь?

Б р а т А м о с. Я буду счастлив потом.

А н н а – В а л е н т и н а. Она спрашивает – что будет потом?

Б р а т А м о с. Я не знаю, что будет потом. Я иду, чтоб посмотреть на это.

А н н а – В а л е н т и н а. Она говорит, что это не в людских силах.

Б р а т А м о с. Может быть. Может, я взвалил на себя непосильную ношу. Но так возвышается дух человеческий. Я играю с богом в его игру, по его правилам, его картами, наверняка крапленными – и все время проигрываю, но остальных не пускают даже на порог комнаты, где идет игра.

А н н а – В а л е н т и н а. Она говорит, что, может, и нет никакой комнаты, и богу наскучили его игры, а есть лишь гора, три женщины, ящик, свиток и нитки, которые всё время рвутся.

Брат Амос берет прялку.

Б р а т А м о с. У тебя кончились нитки, Клото. То, чего нет, порваться не может.

Клото поднимает с пола ворох ниток и дает брату Амосу.

А н н а – В а л е н т и н а. Она говорит, что, может быть, здесь есть твоя нитка. Храни их надежно. Тогда с тобой ничего не случится. Бойся

потерять – ибо тогда твоя жизнь будет в руках ветра, зверя или человека – что хуже всего. Больше она ничего не может для тебя сделать. Она устала и хочет спать. (*От себя.*) Ты ей надоел. Она тебя не любит.

Б р а т А м о с (*вспыхивает*). Ах ты, мерзкая безумная девчонка!

А н н а – В а л е н т и н а (*обиженно, но важно*). Обзываться нехорошо. А безумной быть хорошо. Потому что меня не убьют, а вот тебя убьют, да! Никто не может меня убить, Только бог может пустить воду с неба и утопить Анну-Валентину.

К л о т о. Амос, тебе не совестно обижать девочку? Она не ведает, что творит.

Б р а т А м о с (*раздраженно, с обидой*). Твоя девочка прекрасно может постоять за себя сама. Знаешь, мне иногда кажется, что твои приступы не более, чем притворство, когда тебе не хочется говорить.

К л о т о (*улыбается*). А тебе всегда хочется говорить?

Б р а т А м о с (*почти умоляюще*). Клото, я проделал долгий и опасный путь, чтобы попасть сюда. Ты могла бы...

К л о т о (*прерывает*). Амос, зачем ты пришел? Ты говоришь, что помощь тебе не нужна.

Б р а т А м о с (*очень смущенно*). Клото, я хотел...

К л о т о (*прерывает резко и насмешливо*). Что ж ты хотел?

Б р а т А м о с (*он смущен еще больше*). ...Не знаю... Я хотел... Я думал... Я хотел тебя спросить...

Врывается Линкс.

Л и н к с (*возбужденно*). Брат Амос!

Б р а т А м о с (*с тихим отчаянием и упреком*). Линкс!..

Л и н к с (*кланяется женщинам*). Ради бога, извините меня. Неверные пошли на приступ.

Слышен далекий шум боя.

Б р а т А м о с (*деловым тоном*). И что ты скажешь? Как долго крепость продержится?

Л и н к с. Это старая крепость. Здесь ветхие стены и мало людей. До рассвета тут не будет камня на камне.

Б р а т А м о с. Всё ясно. Нужно срочно бежать.

А н н а – В а л е н т и н а (*радостно, хлопая в ладоши*). Подземный

ход, подземный ход!

К л о т о. Я не хочу.

Б р а т А м о с (*устало*). Не сходи с ума. Они убьют тебя.

К л о т о. Не убьют. На мне их метка.

Л и н к с. Госпожа, это дикие племена, до сих пор тайно поклоняющиеся идолам. Они не берут пленных.

К л о т о. Всё равно. Это – не жизнь.

Б р а т А м о с (*презрительно*). Перестань. Да, твой мир – это мрак. Но когда во мраке появятся чужие гортанные голоса, запах немых тел, грязные пальцы и холод металла у тебя на шее, такой белой – что ты скажешь тогда?

К л о т о (*с отвращением поеживается*). Хорошо, я пойду. Только, чтоб доставить тебе удовольствие.

Шум битвы ближе.

Брат Амос берет Клото и Анну–Валентину под руки, идет, Линкс стоит.

Б р а т А м о с. Линкс! А с тобою что?

Л и н к с. Там на стенах воины. Что будет с ними?

Б р а т А м о с (*спокойно, равнодушно*). Они умрут, Линкс. Все. Никто не спасется. Ты это хотел услышать?

Л и н к с (*в нерешительности*). Я знаю, но...

Б р а т А м о с. Ты можешь им помочь?

Л и н к с. Нет.

Б р а т А м о с. Ты можешь спасти крепость?

Л и н к с. Нет.

Б р а т А м о с (*гневно, с сарказмом*). Так что ж ты ждешь?! Ах да – конечно! Это же великий воин Линкс! Он хочет стать вместе с ними, там, на стенах; стать еще одним безымянным трупом, как велит его честь – эта шлюха разума!

Линкс бьет брата Амоса по лицу, но брат Амос перехватывает его руку и крепко держит.

Б р а т А м о с (*мягко и грустно*). Решай, Линкс. Ты хотел идти со мной. Иногда, чтоб стать человеком, нужно убить в себе всё человеческое.

Линкс в нерешительности.

Б р а т А м о с. Ну!!!

Линкс опускает руку и как-то обмякает. Брат Амос смеется злым и горьким смехом. Все уходит. Слышен шум битвы.)

Пятое действие

Пустыня за крепостью. Раннее утро. Свист ветра. Выходит Маллеус.

М а л л е у с. (*задумчиво, говорит сам с собой*). В час утренней тишины, в томительный краткий миг, между последним криком петуха и первым стуком ведра о стенку колодца, они, никем не замеченные прошли подземным ходом, чтоб обрести свое спасение в благословенном безлюдьи пустыни. Но не было стука ведра, потому что колодец погребен под грудой камней, а петух – петух сейчас наверняка украшает пиршество победителей. Невинные всегда страдают. Как и всякий проводящий много времени в дали от людей, наедине с собой я становлюсь невероятно болтливым. Когда-то в детстве я видел одну женщину из племени кочевников. У нее были длинные крашенные хной волосы, яркого, почти неестественного цвета. Она расчесывала их роговым гребнем, а я стоял и смотрел, как сплетаются красные пряди и черные зубья; смотрел и не мог оторваться. Я вспомнил об этом, когда увидел, как горит крепость. Языки пламени выются между зубцами на стенах, как будто женщина-великан расчесывается исполинским гребнем. Это так красиво. Хотя, кому-нибудь другому эта картина показалась бы ужасной, Она наводила бы на мысли о бренности, страданиях и смерти. Они идут сюда, они уже близко. Четыре фигуры на фоне пасмурного неба, озаренного алыми отблесками. Их столько же, сколько букв в имени Создателя, сколько граней у квадрата, сколько сторон света, сколько стихий в природе, сколько рек течет из рая. Моё время ещё не пришло.

Прячется. Входят брат Амос, Линкс, Клото и Анна–Валентина.

А н н а – В а л е н т и н а. Они ушли. Всё сожгли и ушли. Зачем?

Б р а т А м о с. Чтоб опять прийти, всё сжечь и уйти.

А н н а – В а л е н т и н а. Есть ли в этом смысл?

Б р а т А м о с. Смысл есть всегда.

К л о т о. Да, смысл есть всегда. Крепость была нашей темницей.

Теперь мы свободны, Анна-Валентина. Теперь мы можем пойти, куда захотим.

А н н а – В а л е н т и н а *(улыбается)*. Это хорошо.

Б р а т А м о с. Клото, тебе лучше передохнуть.

Расстилает плащ, Клото садится, Анна-Валентина – рядом с ней.

Л и н к с. Брат Амос...

Б р а т А м о с *(устало)*. Линкс, перестань. Мне надоело. Я не хочу об этом говорить. Ты ещё не успокоился?

Л и н к с. Я успокоился. Совсем успокоился. Скажите, мы ведь перешли границу?

Б р а т А м о с. Думаю, что – да.

Л и н к с. Теперь мы наверняка в безопасности. Почему бы вам не открыть вашу шкатулку?

Б р а т А м о с. Да, ты прав. Теперь можно. *(Ищет шкатулку в сумке, меняется в лице.)*

Л и н к с. Ну, что там?

Б р а т А м о с *(ошеломленно)*. Её нет.

Л и н к с. Как – нет?!!

Б р а т А м о с *(он вне себя)*. Так!!! ...Моя шкатулка... она пропала... *(Смотрит на Линкса.)* Я знаю... это ты... ты её украл! *(Кидается на Линкса.)*

Л и н к с *(с трудом отводя его руки)*. Опомнитесь, брат Амос! Зачем мне её красть? Я же не смогу прочесть, что там написано!

Б р а т А м о с *(сникает, он совершенно уничтожен)*. Да... да... значит, я сам потерял её... боже... я ведь так её берёг... я мог выронить её где угодно – в пустыне, в подземном ходе – везде! Теперь всё пропало...

Брат Амос опускается на колени и закрывает лицо руками, Клото горько смеётся.

К л о т о. Как же себя должен чувствовать человек, когда цель его жизни в одночасье умирает у него на руках! Нельзя так сильно верить во что-то одно. Ты проиграл, Амос. У бога опять оказалась крапленая карта.

Он – как ребенок, ему не нравится, когда чужие трогают его игрушки. Даже когда они сломаны и выброшены на помойку.

А н н а – В а л е н т и н а. Так тебе и надо!

Брат Амос поднимает голову. На его лице – решимость.

Б р а т А м о с. Нет, Клото. Игра ещё не закончена. Это была бесценная вещь, но, в конце концов, это был всего лишь листок пергамента. А листок пергамента не может быть преградой для меня. У меня есть целый мир, и, если я могу читать в нем, я дойду. Я доберусь до четвертой реки и буду плыть вверх по течению, пока река не кончится. Там я встречу ангела и, клянусь, если придется – я задушу его голыми руками.

К л о т о. А если нет ангела, Амос? Если там вообще ничего нет? Если у царства небесного нет черного хода – что ты будешь делать тогда?

Б р а т А м о с. Тогда – тогда я придумаю себе какое-нибудь другое занятие. *(Резко.)* Линкс, ты пойдешь со мной?!

Незаметно выходит Маллеус

М а л л е у с. “Пойдут ли двое вместе, не сговорившись между собою? Ревел ли лев в лесу, когда нет перед ним добычи? Подает ли свой голос львёнок из логовища своего, когда он ничего не поймал? Попадет ли птица в петлю на земле, когда силка нет для нее? Поднимется ли с земли петля, когда ничего не попало в неё?” Что дальше, брат Амос?

Все, опешивши, застывают на месте.

Б р а т А м о с *(отрешенно)*. “Трубит ли в городе труба – и народ не испугался бы? Бывает ли в городе бедствие, которое не Господь допустил бы? Ибо Господь ничего не делает, не открыв своей тайны рабам своим, пророкам.”

М а л л е у с. Тебе знакомы эти слова?

Б р а т А м о с. Да. Их сказал человек, подаривший мне своё имя. Пророк Амос. Ты всё-таки нашел меня, Маллеус.

М а л л е у с. Да, брат Амос. Я нашел тебя. И нашел ещё кое-что.

Показывает шкатулку. Брат Амос делает произвольное движение к ней.

Маллеус. Ты так долго ждал, чтоб завладеть этой вещью. Ты стал монахом, потом- преступником, ты скитался по пустыне, ты нашел себе друга, ты терпел голод и жажду, ты крался по подземному ходу – и всё это время я шёл за тобой, а ты не видел меня. Ты хотел совершить Великое, а ключ от Великого ты потерял. Скажи, ты ведь, наверное, очень хочешь получить его обратно?

Брат Амос (через силу). Да, хочу.

Всё это время Линкс пытается подойти к Маллеусу сзади.

Маллеус. (не оборачиваясь). Линкс, не стоит этого делать. (Брату Амосу.) И нет, наверное, самого омерзительного поступка, который ты не совершил сейчас, чтоб опять обладать этой шкатулкой. Скажи – да?! Да?! Ты ел бы нечистоты, ты целовал бы мне ноги, ты зарезал бы тысячу младенцев, ты проклял бы имя божье, ты совокупился бы с содомитом – но я не стану этого требовать от тебя. У меня сегодня хорошее настроение. На, возьми шкатулку.

Брат Амос в растерянности.

Маллеус. Ну, что же ты? Бери, не бойся. Открой её. Ты заслужил. Брат Амос берёт шкатулку и старается её открыть.

Анна – Валентина. Клото, А что такое - содомит?

Маллеус. (с легкой улыбкой). Дитя моё, об этом тебе лучше не знать.

Анна – Валентина. Я не дитя твоё, я – Анна-Валентина.

Маллеус. Хорошо, Анна-Валентина. Извини. (Брату Амосу.) Ну, что там у тебя, брат Амос?

Брат Амос (смущенно и растерянно). Я не могу открыть.

Маллеус посмеивается.

Маллеус. И тут у тебя ничего не вышло. Как же ты собирался прочитать то, что внутри? Но тебе повезло – у тебя есть я, а у меня сегодня хорошее настроение. Дай шкатулку.

Брат Амос дает Маллеусу шкатулку. Маллеус осматривает её, что-то нажимает, шкатулка открывается. Маллеус заглядывает вовнутрь и смеётся.

Брат Амос (в нетерпении). Что там? (Вырывает у Маллеуса шкатулку и застывает ошеломленный.)

Маллеус. И что же ты видишь там, брат Амос?

Брат Амос (в отчаянии). Там... там ничего нет! Только пыль.

Маллеус. Да. Только пыль. Пергамент слишком долго был заперт. Он не выдержал прикосновения воздуха. Счастье человеческое так хрупко. Выходит, все эти годы ты гонялся за кучкой праха.

Брат Амос (он оправился, твердо, с ненавистью). Перестань, Маллеус. Хватит надо мной издеваться. Ты пришёл за моей головой?

Маллеус. (со вздохом, устало). Нет, брат Амос. Я пришёл за шкатулкой. Только и всего. Отдай её мне и иди, куда хочешь. (Забирает у брата Амоса шкатулку.) Ты удивлён?

Брат Амос (он удивлён). Ты отпускаешь меня?

Маллеус. Да. Ты не рад? Епископу нужна только шкатулка. Он знает, что в ней. Что было в ней. Твоя голова ему не нужна.

Брат Амос (саркастично улыбается). Это очень любезно с твоей стороны, Маллеус. Если уж ты такой добрый, может, окажешь мне ещё одну услугу?

Маллеус. Какую же?

Брат Амос (вкрадчиво). Ты ведь видел, что было написано на пергаменте, до того, как он превратился в прах. И ты знаешь этот язык.

Маллеус. Очень может быть. А почему я должен тебе это говорить? Чтоб облегчить тебе задачу? Я думал, ты не ищешь лёгких путей.

Брат Амос. А, что, по-твоему – это легкий путь?

Маллеус. (криво улыбается). Но ты же, кажется, собирался задушить ангела голыми руками.

Брат Амос. Я передумал. (Незаметно достает нож.) Зачем мне душить ангела, если добрый Маллеус мне и так скажет. (Резко поворачивается и утирает нож Маллеусу в живот.)

Маллеус (в притворном страхе). Ах, нет, нет! Я боюсь крови! Не убивай меня! Я ещё так молод! Я так хочу жить! (Делает незаметное движение, брат Амос, хрипя, сгибается пополам и падает у ног Маллеуса. Тот ухмыляется.) А ты изрядный негодяй, брат Амос. Ты подл и коварен,

прямо как я. Ты мне нравишься. Пожалуй, я скажу тебе.

Нагибается к брату Амосу и шепчет ему на ухо, брат Амос начинает смеяться через боль.

Б р а т А м о с. Да... Хорошо придумано. Главное – как просто.

М а л л е у с. *(становится серьезным)*. Теперь ты, Линкс. Подойди ко мне.

Линкс, понурясь, подходит.

Я почти сразу догадался, почему ты это сделал. Когда я был подростком, я однажды решил помериться силами с другим отроком, куда поздоровее меня. Мы барахтались в пыли, а мой друг стоял рядом и смотрел на наш поединок. И вот у меня получилось очень удачно – как мне тогда казалось – обхватить своей ногой ногу противника. И что тут сделал мой друг? Он ударил меня по ноге, нога соскочила, и мой противник одержал победу. Когда я, кипя гневом, спросил друга, зачем он это сделал, он ответил – “Я спас тебя. Ты бы всё равно проиграл”. Друга я возненавидел. Но со временем я поумнел и глубже заглянул в суть вещей. Я бы всё равно проиграл, а он действительно меня спас, взяв на себя позор моего проигрыша. Ты не видишь ничего общего?

Л и н к с *(угрюмо)*. Не вижу.

М а л л е у с. Ты слишком упрям. Ну и ладно. За твою голову назначена награда. Ты знаешь об этом?

Л и н к с *(с вызовом)*. Знаю, но пока моя голова – на мне.

М а л л е у с. Ты напрасно дерзишь человеку, который пытается отнестись к тебе с сочувствием. Мне не хочется тебя убивать. Ведь в наши дни так редко встречаются благородство и преданность. Что же мне делать?

Л и н к с *(мрачно)*. Придумай что-нибудь.

М а л л е у с. Уже придумал. Ты знаком с софистикой? Думаю – нет. А зря. Это раздел логики, при помощи которого иные мудрецы доказывают, что белая лошадь – не лошадь. Как тебе такое умозаключение: Линкс, стоящий здесь – опасный преступник, коего надлежит казнить; далее – Линкс направляется в место, куда попадают только праведники и только после смерти; следовательно – если Линкс попадет туда – он de jure становится праведником, что большого значения не имеет, но – что важно –

в глазах людей он будет мертвецом, а мёртвый преступник – не преступник. Я же возвращаюсь в город, с чистой совестью объявляю, что Линкс мёртв и получаю свои денежки. Неплохо придумано, а?

Л и н к с *(растерянно улыбается)*. А ты хитрая bestия, Маллеус. Я думал о тебе плохо. Прости.

М а л л е у с. *(шутливо)*. Пустяки! Какие обиды между друзьями! *(Стряхивает с себя веселье, становится серьезным и резким.)* А теперь – быстро уходите. Сюда идёт отряд графа, и моё хорошее настроение кончится с минуты на минуту.

Пауза.

Б р а т А м о с. Клото, я бы хотел...

К л о т о. Ты уже ничего не хочешь, Амос. Уходи.

Брат Амос с мольбой смотрит на Клото, но Клото его не видит. Анна-Валентина украдкой показывает язык.

М а л л е у с. *(резко)*. Ты слышишь, что говорит женщина. Идите, а то будет поздно.

Брат Амос и Линкс идут.

М а л л е у с. Стойте!

Брат Амос и Линкс останавливаются в недоумении.

Мой последний дар. Я подобрал твою флягу, Линкс, и наполнил её водой. Возьми, она тебе пригодится.

Л и н к с *(берет флягу)*. Спасибо.

М а л л е у с. *(со странной усмешкой)*. Потом поблаговаришь. Уходите.

Брат Амос и Линкс уходят. Пауза.

К л о т о. Они ушли?

М а л л е у с. Да.

К л о т о. Что будет с нами?

М а л л е у с. Я отведу вас в город. Там вы найдете приют и защиту.
(Пауза.) Ты знаешь, мне показалось, что тот человек хотел чтоб ты пошла с ним.

К л о т о. "Пойдут ли двое вместе, не сговорившись между собой?"
Этот человек причинил мне много боли. Я б не пошла с ним.

М а л л е у с. Многие люди считают, что любовь — это счастье.

К л о т о. Может быть. Но те, кто не ведают любви — тоже счастливы.
А что ты можешь знать об этом?

М а л л е у с. Совсем немного. В городе меня ждёт женщина, чья любовь странна и противоестественна, как прекрасные глаза чудовища.

Пауза.

К л о т о. Что ты ему сказал тогда?

М а л л е у с. "У следа Адама воззови ко мне. Страж слеп, пройди молча".

К л о т о. Слеп, как я. Значит любой может войти в рай?

М а л л е у с. Как видишь.

К л о т о. Я не вижу.

М а л л е у с. Извини.

К л о т о. Ничего. (Пауза.) Что же будет с ними?

Пауза.

М а л л е у с. Если ты действительно хочешь это знать — я тебе расскажу. Когда они дойдут до дальних холмов, им захочется пить. Они выпьют воды и почувствуют дикую, нечеловеческую усталость. Они сядут отдохнуть, глаза их сомкнутся, и очень скоро их души отлетят. Вода отравлена.

К л о т о. Что?!!

М а л л е у с. (не обращая внимания). Я позаботился о том, чтоб их смерть была легкой и сладостной. Они узрят дивные видения, то место, куда они так стремились; ангела, гостеприимно отворяющего врата, и самого Господа, который с улыбкой посадит их справа от себя. Я сам бы мечтал о такой смерти.

К л о т о. Но зачем ты это сделал?

М а л л е у с. по многим причинам. Я должен был выполнить

обязательства — нельзя же портить свою репутацию. И ещё — я был в тех местах, куда они идут. Там нет ничего особенного. И ещё — Пергамент превратился в пыль до того, как я успел заметить, что на нём написано. Слова, что я сказал — первое, что пришло мне в голову — брат Амос мне действительно нравится, и мне хотелось сделать ему приятное. Они не перенесут разочарования. Лучше погибнуть на вершине деяния, чем потом впасть в жалкие дни проигравшего. Но у них есть выбор. Они могут не пить из фляги; или Линкс может не поделиться с Амосом водой, он ведь теперь знает притчу. Я играю честно.

К л о т о. Боже, какой же ты подлец.

М а л л е у с. Неужели эти люди что-то значат для тебя? Ты ведь не ведаешь любви, Клото. Впрочем ты можешь попытаться их спасти. Твои нитки, Клото. (Достает нитки, даёт их Клото.) Я подобрал их вместе со шкатулкой. Брат Амос не умеет хранить ценные вещи. Может там есть и нить Линкса. Теперь их жизни в твоих руках. Это всё, что я могу для тебя сделать. Нам пора уходить.

Анна-Валентина подходит к Клото. Клото чертит у неё на руке.

А н н а — В а л е н т и н а. Она больше не хочет с тобой разговаривать. Она говорит, что нет казни, которая была бы для тебя слишком жестокой. Она говорит, что небо тебя покарает.

М а л л е у с. Нет, Клото. Небо меня простит. И оно уже начало это делать. (Со странной улыбкой поднимает палец вверх.)

Слышен шум дождя.

А н н а — В а л е н т и н а (в ужасе). Что это? А! Я знаю! Это потоп — вода с неба! Сейчас я умру! Сейчас мы все умрем!

М а л л е у с. (очень мягко). Нет, дитя моё. Ты будешь жить долго и пресытишься жизнью. Это — дождь. Просто дождь.

Уходят под шум дождя, который усиливается и превращается в ливень.

Большое СПАСИБО НАМ, сделавшим ЭТО реальностью

Идея и организация:

Александр Шляховой

набор:

Ирина Аносова

Дмитрий Галбай

Фотомонтаж:

Дмитрий Галбай

а также типографии «Тибет»
в лице директора Скринника Дениса

СОДЕРЖАНИЕ

1. "Белый кит".....	3
2. "Последняя стрела".....	17
3. "Ее одежда - розовые сны...".....	18
4. "Я не знаю зачем...".....	19
5. "Опять с деревьев падает кора...".....	19
6. "Каролина".....	21
7. "Город".....	21
8. "Я сегодня проснулся раненько...".....	23
9. "Прощание".....	24
10. "Пришествие".....	25
11. "Иуда Искарот".....	26
12. "Колдунья".....	27
13. "Как в голодный год...".....	28
14. "Новый год".....	29
15. "Сигаретка".....	31
16. "Про солдата".....	33
17. "Емеля".....	36
18. "Карусель".....	37
19. "Ивашка (посв. Егору Летову)".....	39
20. "Она шлет войска".....	41
21. "Яблочко".....	42
22. "Красная девица (посв. Янке Дягилевой)".....	44
23. "Полюбила парня девчонка...".....	45
24. "Мои войска...".....	48
25. "Сестра".....	48
26. "Донна Анна".....	49
27. "Тицианова девственница".....	50
28. "Шарообразность".....	51
29. "Обещание".....	53
30. "Апокриф".....	54
31. "Туринская плащаница".....	56
32. "Однажды кисть или перо...".....	58
33. "Есть ангел (посв. Ф. Ницше)".....	59
34. "Хаким из Мерва (из Х. Борхеса)".....	60
35. "Вечер в Эдеме".....	62

36. "Эль-Рей (по фильму "От заката до рассвета", памяти Ричарда Гекко)".....	64
37. "Бегство Винсента Муна (из Х. Борхеса)".....	66
38. "Небо".....	67
39. "De Profundis (из Рильке)".....	68
40. "Гобелен".....	69
41. "Песня греческой девушки (из Мериме)".....	70
42. "Дева и сердце".....	72
43. "Четвертая река".....	73
44. "Леди Джейн".....	74
45. "Тебя не существует".....	76
46. "Другой мир".....	77
47. "Сонет".....	77

Четвёртая река (пьеса)

I действие.....	80
II действие.....	86
III действие.....	92
IV действие.....	104
V действие.....	111

СМОЛЯК

Я ОДЕН

ПЯТОБЮ,

ТВАИИ

ПЕСИИ

ВЯЮЧЕ

СМОЛЯК

МЕ

БЛЕТ

МЕНЕ

ЕОВУТ

САЩА

ДНЕПЕТРОВСК
ДЕВОЧКА

Письмо Б. Смоляку от 5-летней Александры Бильдиной из Днепрпетровска

Для заметок и автографов